

Девочка
которую

нельзя

Стася Андриевская

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Девочка, которую нельзя

Стася Андриевская

Девочка, которую нельзя. Книга 2

«Автор»

2023

Андриевская С.

Девочка, которую нельзя. Книга 2 / С. Андриевская — «Автор», 2023 — (Девочка, которую нельзя)

Гордеев признаётся Славке, что она должна была стать разменной монетой в его спецоперации. Он обещает, что теперь всё будет иначе, и для того, чтобы всё исправить ему нужны лишь её абсолютное доверие и подчинение. Слава ослеплена страстью и верит каждому его слову, закрывая глаза даже на странное и очевидное. Поэтому, когда выясняется, что происходящее — лишь очередной хитроумный план, в котором она всё та же разменная монета, становится слишком поздно: Гордеев уже получил что хотел, оставив Славку ожидать своей страшной части и с одним лишь вопросом: Как могло чудовище без сердца... так искренне изображать любовь?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Стася Андриевская

Девочка, которую нельзя. Книга 2

Пролог

– Ночь, улица, фонарь... – мысли метались как безумные, и где-то в их хаосе безнадежно застряло продолжение стишка. – Эм... Ночь, улица... ээ... – Направленный свет бил по глазам, приходилось щуриться, отчего по щекам каждый раз устремлялись потоки слёз. – Э-э... фонарь, аптека... – Выкрученные и крепко связанные за спиной руки не позволяли ни смахнуть эти слёзы, ни почесать зудящий нос. – Аптека и... и...

Мужик напротив не торопил. Ему, казалось, вообще нет до меня дела – он просто залипал в телефоне, периодически похихатывая над чем-то. И я понимала его спокойствие – инъекция уже растекалась по конечностям манящей невесомостью. И если даже спустя всего пару минут мои мысли разбегаются как потревоженные тараканы, то что будет через полчаса, когда я окончательно превращусь в блаженно хихикающую дуру? Так что всё правильно, спешить ему было некуда. И я тоже это знала.

Наконец мужик, хрустя суставами, потянулся, и второй, тот, что сидел чуть поодаль в кресле, глянул на часы.

– Надо начинать, пока не рубануло в аут.

Первый поднялся и с грохотом поставил на стол какой-то чемодан, оглушительно отщёлкнул замки. Резкие звуки отражались в голове вспышками, вызывая желание зажать уши, но я не могла даже этого. Только вздрагивать и жмуриться. Впрочем, мужик не делал это специально, просто слишком громко для меня сейчас было вообще всё – от возни хомячка в клетке, до тиканья секундной стрелки будильника и дыхания второго мужика в кресле.

Чемодан оказался прибором: монитор, набор датчиков на цветных проводках, какие-то ремни. Смотреть на всё это было интуитивно страшно, слишком уж навело мысли о пытках, но неожиданно любопытно – должно быть сказывалось действие амитала¹.

– Давай-ка, красотуля, я тебе ручки отпущу, – почти ласково бормотал мужик, развязывая верёвку. – Затекли, небось? Вот то-то же! Говорил же – не рыпайся, хуже будет. Так что второе золотое тебе: ещё раз рыпнешься – ёбну. Но на это раз по-настоящему, поняла? Давай сюда, – помог мне перевести руки вперёд и даже слегка помассировал плечи. – Вот. Расслабься. Не будешь рыпаться, просто поговорим. Только вот эту хрень про аптеку больше не надо, ясно? – ухватил мой подбородок, заставляя смотреть ему в лицо. – Я спрашиваю, ясно?

Я кивнула. Он кивнул в ответ.

– Вот то-то же. А начнёшь опять про аптеку – ёбну. Усеки уже.

Потом он возился, цепляя на меня датчики от чемодана: ремень на грудь, на голову, прищепки на пальцы и щиколотки и даже на большие пальцы ног. А я смотрела на подсохшую дорожку крови у сгиба локтя, там, где мне пропорол иглой вену, когда я, отчаянно сопротивляясь инъекции в первый раз, и пыталась вспомнить – второй раз кололи сюда же или в другую руку? И не могла. Мозг лениво отказывался напрягаться, проваливая мою реальность в беззаботную негу. Захотелось вдруг поболтать и даже пошутить, но я пока ещё понимала, где нахожусь и что происходит. И я бы даже попыталась снова завести пластинку про аптеку... Но смысл? Если начнут бить или пытаться – я ведь всё равно не вынесу. Так что оставалось надеяться лишь на то, что я не знаю ничего такого, что могло бы навредить Игнату.

¹ Амитал-натрий – так называемая «сыворотка правды», препарат барбитуратной группы.

– Парочка контрольных для разогрева, – деловито уселся мужик перед пультом прибора и наконец-то опустил луч лампы в стол. Темнота мазнула по векам прохладным бальзамом, я блаженно прикрыла глаза. – Твоё имя Гончарова Зореслава Олеговна? Отвечать строго да или нет.

Как мило, как знакомо! Только вместо плюсики и минуса в бумажной распечатке опросника – самый настоящий полиграф.

– Да.

– Тебе восемнадцать?

– Девятнадцать. У меня в августе...

– Только да или нет, – перебил мужик. – Твой день рождения шестого августа?

– Да.

– Ты по национальности японка?

Я хихикнула.

– Китайка!

Мужик тоже снисходительно улыбнулся.

– Совсем меня не боишься, да?

– Нет конечно! – гордо вздёрнула я нос.

– Отличная попытка, – удовлетворённо кивнул он. – Только не забывай, что я теперь вижу, когда ты врешь. И ещё раз сберешь – ёбну...

Вопросы были про Игната, про нас с ним, про наших общих знакомых, про его работу и так далее. Я отвечала и с облегчением понимала вдруг, что ни хрена ничего не знаю. Только общие моменты. И если раньше я обижалась, что он не объясняет мне происходящее и не посвящает в свои планы, то теперь бесконечно радовалась этому. И что странно – за себя я уже почти не боялась. Смирилась. А вот от страха за Игната так ломало, что хоть кричи. Оставалось только надеяться, что раз допрашивают меня – значит его так и не поймали.

Второй мужик выбрался из кресла и встал за спиной у первого. Слушал мои ответы, задумчиво смотрел то на монитор, то на меня и недовольно хмурился.

– Так, стоп! – оборвал он очередной вопрос поделника. Склонился ко мне, до жути подавляя своей нависающей машиной. – А скажи-ка, девочка, ты раньше амитал пробовала?

Я растерянно отвела взгляд. Потому что да, было дело. Игнат давал узнать, что это такое и даже натаскивал инструкциями – так, на всякий случай... И в этот миг моя растерянность неожиданно сменилась приступом дурацкого беспричинного смеха. Началось.

Так и не дождавшись пока я дебилно проржусь, мужик хлопнул поделника по плечу:

– Что и требовалось доказать. Он явно либо готовил её ко встрече с нами, либо сам пытался вскрыть. Ладно, давай, покажи ей кино.

Первый мужик передвинул свой стул вплотную ко мне:

– Смотри, красотуль, прикольный видос есть...

Во весь экран его телефона показывалась какая-то комната без окон и мебели, с единственным лишь топчаном у стены, на котором сидел мужчина. Сердце ёкнуло, едва я подумала, что это Игнат, но тут же отмерло – этот человек был с отросшими волосами, да и в целом не похож. Но он поднял лицо к камере, и я не просто снова замерла – обмерла. Наверное, полиграф сходил сейчас с ума, так зашкалило мой пульс.

– Знаешь его? – вкрадчиво спросил мужик.

– Н... нет.

– Врешь.

– Правда не знаю. Это...

– А так? – увеличил он масштаб видео. Качество картинки поплыло, но не настолько, чтобы я не узнала. Похудел, оброс, и словно бы даже стал ниже ростом, но всё равно это был он. Мой отец. – Что скажешь?

– Этого не может быть, – оторопело мотнула я головой. Дурацкую смешливость как рукой сняло. И кажется, даже, начал стремительно отступать амиталовый дурман. – Он ведь умер два года назад! Об этом даже по телеку говорили.

– Говорили, да. Но он, как видишь, живее всех живых. Правда, ненадолго. А знаешь почему?

Я не шевельнулась, не ответила, даже несмотря на приглашенное состояние пребывая в шоке.

– Поднажми, – поторопил второй мужик. – У неё, походу, начинается исход, ещё отрубится нахрен раньше времени.

Первый снова листнул галерею в телефоне.

– В общем, такой расклад, красотуль, папашка твой жив и даже здоров. Это мы выяснили. Ну а этих товарищей узнаёшь?

Другое видео, другой интерьерчик – дорогой, вычурный. И если предыдущее видео было явно с камеры наблюдения под потолком, то это снимали «с руки», вот прям непосредственно на телефон, в мельчайших подробностях и со звуком.

Одного мужика я не знала, а вторым был Игнат. И речь у них там шла об обмене: Игнат забирал у мужика папашу, а незнакомый мужик, у Игната, – меня. Дата записи – три дня назад.

Я хорошо помнила этот день: всё было как всегда, и даже лучше, потому что накануне Игнат принёс, наконец, весть, которую я так давно ждала – всё кончено! Он порешал проблемы, нашёл способ раз и навсегда скрыться от любого преследования, и теперь вопрос стоял лишь в каких-нибудь нескольких днях, когда мы наконец уедем на новое место. А в этот день, то есть в день, когда была сделана эта запись, Игнат, как часто бывало и до этого, куда-то отлучился ненадолго... И почти сразу же на нашу секретную квартирку нагрянули люди. У них был свой ключ, они вошли тихо и без пыли. Я даже испугаться толком не успела – как лицо мне зажали приторно воняющей тряпкой и...

– Ты здесь, потому что он сдал тебя, красотуль, – вкрадчиво шепнул мужик. – Обменял на кровного врага, за которым без малого пять лет охотился – с тех самых пор, как тот грохнул его беременную бабу. Да ты и сама, небось знаешь, да? Ну вот видишь. Он тебя тупо использовал. Так что, если и тебе есть, что рассказать нам о его планах – говори. Не выгораживай суку.

По моим щекам опять катились слёзы, и теперь я даже могла бы их вытереть, но не шевелилась. Я знала эту историю, конечно. Игнат сам рассказал. Как и то, что его руна отмщения была вырезана именно по этому поводу, и её дословный перевод: «Месть любой ценой»

Любой...

Глава 1

Около 8 месяцев назад

– Да, кстати, – будто бы между делом задержался док на пороге, – встретил сегодня возле отеля нашу девочку. Забавная она всё-таки. И даже милая.

– Милая, да, – проигнорировав его пытливый взгляд, услужливо приоткрыл дверь Игнат. – Но у меня всё под контролем.

– Ну я так и подумал, – кивнул док. – С тех самых пор, как ты перестал упоминать о ней в сессиях. – Всё тот же пытливый взгляд поверх очков. – Ну а дневник? Продолжаешь?

– А смысл? Говорю же – всё стабильно.

– А вот это зря, – назидательно качнул док пальцем. – Осознанная стабильность нам только снится...

– ...А миром правит иррациональное бессознательное, суть которого – хаос создающий порядок! – закончил Игнат. – Я в курсе, что ты не очень-то веришь в мою адекватность, и в случае чего будешь вынужден слить Центру. Но у меня действительно всё под контролем.

– Вот и хорошо. Тогда до связи.

Стоя у окна, Игнат дождался, пока док появится на площадке перед отелем и, неторопливо обойдя фонтан, загрузится в такси. Забавляется, старый шельмец. Всё насквозь видит, но подыгрывает. Потому что доверяет, хотя и не должен бы. Не по инструкции это – доверять. Но зато по дружбе.

Док, конечно, догадывался о том, что всё не так уж гладко, но подробностей не знал. Всех этих срывов на острие страсти и романтических соплей, типа не просто какой-нибудь там цапки на заказ, а именно тех самых наивных и простеньких с виду цветочков с драгоценной сердцевинкой. Аналогия в соточку, аж самому завидно, что так чётко придумал. Но при этом... Глупо? Ещё как! Однако иногда можно. Девчонка-то всё равно не узнает.

Словно почувствовав, что он думает о ней, Славка прислала вдруг сообщение: «Зай, ну ты же знаешь – будет так, как ты захочешь!» и подмигивающий сердечком-поцелуйчиком смайлик.

Чего, бля?

И не успел он ещё толком осознать радоваться ему или быковать, как прилетела добавочка: «Ой, пардон, это не тебе!!!!»

Пфф. Ну и слава Богу, как говорится. Отправил в ответ что-то полушутливо-небрежное...

Так, стоп! А кому же тогда?!

В отмазки про подружку не поверил. Зверь внутри рычал и требовал крови. Коломоец... с-сука. Зай, твою мать... Но Славка продолжала оправдываться, и Гордеев просто оборвал глупый трёп: «Да мне без разницы, Слав... Главное, не палитесь на людях...»

И вот, впереди маячила важная встреча, требующая максимальной собранности... а он тупо пялился на набросанную от руки, требующую серьёзной доработки схему и кипел от злости. Ну ладно эта-то – ветер в башке, но Коломоец, гад, куда лезет?

В итоге поддался эмоциям и запросил у ребят из техподдержки архив сообщений Славкиного номера. И потом долго ещё довольно ухмылялся, снова и снова просматривая единственную за всю историю существования номера переписку: его собственные сухие указания когда и где быть, как выглядеть и требования пошевелиться, и Славкины исполнительные: «Хорошо», «Я сейчас» и «Ок» в ответ.

И вдруг – Зай! По лицу неудержимо расплзалась улыбка. Вот чертовка! Поиграть, значит, хочешь? Ну давай.

Набрал ей:

«Кстати, у тебя сегодня свободный вечер. В принципе, можем куда-нибудь выбраться. Если хочешь, конечно»

Она ожидаемо сделала вид, что не больно-то ей и надо, но сильно не ломалась, и Игнат, отложив, наконец, телефон, попытался сосредоточиться на работе, но мысли всё равно убежали, и по-прежнему пробирало на улыбку.

Ликует, небось, теперь, глупая. Думает, переиграла. Хотя чего уж там – он и сам опять заигрывался. Но всё это так дико напоминало страсти а-ля «первый класс, вторая четверть», что просто не было сил отказать себе в удовольствии.

Ещё немного подёргал девочку «подозрениями», не без затаённого самодовольства наблюдая, как она оправдывается. И это был уже даже не первый класс, а чистые ясли! А он, здоровый дурак, нырнул в это как обкуренный подросток в омут, и хрен его знает, как выгребать теперь против течения. Просто не хочется выгребать, вот в чём дело. Только обкуриться ещё больше и забыться ещё крепче.

Но время шло и, для начала мстительно заслав Коломойца на побегушки – забрать шмот для Славкиного эпичного появления через четыре дня, Гордееву всё же пришлось решительно отбросить телефон. И к тому моменту, как в дверь номера постучали, он уже был готов работать с полным погружением.

Связные агенты – мужчина средних лет и его «жена», женщина лет на пять помладше, по легенде бизнесмены-сетевики, приехавшие в Клондак на трёхдневный семинар компании – заселились в гостиницу ещё накануне утром. Как и положено амбициозным провинциалам посветились среди постояльцев, поактивничали, фоткаясь с бриллиантово-позолочено-малиновыми лидерами своей компании, прошвырнулись по магазинам, задружились с коллегами. В общем, типичные мечтатели о непыльной красивой жизни, каких в эти дни здесь собралось не меньше пары сотен...

Но именно они привезли Игнату важную и сверхсекретную информацию: братья Жагровские, номинально оставаясь крупнейшими авторитетами, утратили право решающего слова. А вернее, прокололись, что никогда его и не имели, лишь прикрывая собой решения гораздо более крупных персон, а скорее даже одной какой-то персоны неприкасаемого уровня.

И если в теории это было ясно и раньше – уж кто-то, а Гордеев повидал достаточно высокопоставленного дерьма, чтобы понимать, почему многие из самых смелых его дел либо заворачиваются на корню, либо просто бесследно исчезают в кабинетах начальства – то теперь незыблемая система дала микроскопическую, но всё-таки реальную трещинку, в которую можно было попытаться просочиться в обход цензуры. Это значило, что если изловчиться прямо сейчас и копнуть максимально глубоко, то можно не просто успешно закрыть текущее дело, но и пресечь саму возможность возникновения подобных в обозримом будущем, обрубив гидре не щупальце, но голову. А там, если дельце выгорит, можно и на заслуженный покой удалиться.

Когда телефон моргнул сообщением, Игнат находился в глубокой задумчивости. Машинально скользнул взглядом по строчкам, и лишь через пару минут догнал, что это Славка: «Ты скоро освободишься?»

Сейчас игра в детство уже не казалась такой влекущей. Наоборот – пожалел, что вообще начал, да ещё и так невовремя. Теперь бы просто время и тишину, чтобы спокойно обмозговать важные новости... Но всё равно ответил, что освободится через час. Славка тут же зацепилась, посыпала сообщениями. Он отвечал ей, но с задержками, параллельно проговаривая со связными общие моменты, когда в дверь постучали.

На готовность номер один ушло около минуты – в самый раз, чтобы всё выглядело естественно. Уже перед дверью расстегнув ремень и ширинку, напустил на себя гневный вид, обещающий спустить с лестницы любого, кто посмел помешать его взрослым играм... И остол-

бенел – это была Славка. Взволнованная и перепуганная собственной дуростью, но такая охрененная, что просто... просто... Словом, челюсть отвисла, а он даже не сразу это осознал. Только глупо ухмыльнулся, чувствуя, как стремительно, до сладкой боли тяжелеет в паху. Ну откуда же в тебе столько перца, девочка?! С каждым разом всё больше и острее...

А ещё он, пожалуй, впервые в жизни, ощутил такой глобальный обломище. Аж скрутило всё внутри от досады. Ведь если бы не лежали сейчас в его койке голые, изображающие прерванную групповуху связные – и он не стал бы больше держаться. К чёрту! Сама напросилась! Заташил бы её, ромашку нетоптаную, в номер и с превеликим удовольствием как следует...

Увлёкшись сладкими фантазиями, не сразу заметил дрожащий подбородок и влажные от непрошенных слёз глаза. И пусть Славка и пыталась выглядеть при этом небрежно – пустая болтовня только подчёркивала глубину её отчаяния. И эта с трудом скрываемая, какая-то совершенно уж детская обида отрезвила лучше пощёчины, но вместо сочувствия вызвала лишь злость: ну куда ты лезешь-то, девочка? На что рассчитываешь? На верность? На долго и счастливо, на раз и навсегда?! Дура наивная!

Скрипнув от досады зубами, решительно доиграл сценку с прерванным сексом. Но когда, вернувшись в номер, попытался вернуться к работе – не смог. Вот так дешёво и тоже по-детски – просто не смог собраться с мыслями! Из-за какой-то разобиженной малолетки! А дальше что – страсти-мордасти, взаимная ревность?! Розовые сопли, разбитые мечты... и заваленное дело, за которым десятки сотен жизней?

Нет уж. Если большее покрывает меньшее, то меньшего не существует.

...Однако не выдержал. Сорвавшись с места, бросил связным:

– Срочное дело! Встречаемся через пятнадцать минут!

Вжимая педаль в пол, ни на секунду не сомневался каким будет Славкин ответный ход. Сам же к нему и подтолкнул. И от этого только ещё больше разъярялся, но мчал туда вовсе не из-за этого, а просто поставить на место зарвавшегося напарничка. Но когда увидел её такое желанное, распластанное под Коломойцем тело, зарывшиеся в его волосы робкие пальцы и вызывающе разведённые коленки – словно накрыло.

Ярость ослепляла. Коломойца – к чёрту! Просто кобель, которому подфартило. Дурак бы был, если бы отказался. А вот она...

Так хотелось сделать ей больно за то, что посмела даже подумать о ком-то другом! Наказать. Присвоить, сожрать. Утопить в своей дикой ревности, чтобы никому больше не досталась. НИКОМУ! Чёрт, чёрт, чёрт... Ну как можно было так глупо на неё подсесть?!

– Ну какого хрена тебе надо, а? – голос превратился в рык, аж горло от него драло. – Чего ты добиваешься? Так сильно хочешь, чтобы трахнул тебя?

Пальцы на её шее против воли сжимались туже. Ещё немного и девчонка поплывёт, а потом словит «собачий кайф» и... Боже, как бы он хотел показать ей это! Срывать с нежных губ стоны вперемешку с хрипами. Подминать под себя её обмякшее тело. И встречать возвращение в сознание глубоким, жадным проникновением...

Со сколькими играл в эти игры, без души, просто оттачивая навык, и вот она – первая, та самая, ради которой хочется расшибиться. Перемешивать её наслаждение с болью и боль с наслаждением, подсаживать её на этот кайф, как на наркотик. На себя подсаживать! Подарить ей этот самый яркий и незабываемый оргазм. Первый. С ним. Чтобы никогда уже его не забыла.

Но, чёрт, чёрт, чёрт... Это обоюдоострая игла. Нельзя!

Вклинил колено между ног, грубо подал вверх:

– Думаешь, классно тебе будет, да? Думаешь, в кайф? – Лицом к лицу, глаза в глаза, лишь бы не видеть этих желанных, зацелованных чужими губами губ. – А со мной может быть только больно, дура ты! Больно и страшно!

Но и во взгляде её тоже не было спасенья – там бушевали обида и злая ревность. Он видел – девчонка хочет его так же дико, как и он её, и так же одинолично и безраздельно. Она

словно заявляла на него права и дерзко провоцировала на взаимность. И от этого Гордеева окончательно срывало. Соблазн поддаться был так велик! Её доступность дурманила, вместо доводов против находились лишь оправдания: с одного раза не затянет, наоборот, запрет утратит остроту и дальше будет только проще. Один раз... Только один...

– Руки свои от меня убрал! – словно услышав его мысли, упрямо просипела Славка. Она, в отличие от него, явно не собиралась довольствоваться одним разом. Ей по-юному безрассудно нужно было либо всё, либо ничего.

И в этот миг Гордеева внезапно осенило – словно выстрел в голову. Даже эрекция тут же пошла на спад, а в мозгу, моментально вытеснив страстную дурь, холодно и трезво, на ходу соединяясь в стройные логические цепочки, поползли мысли о деле.

Ну конечно! Новые обстоятельства с Жагровскими и ему позволяют скорректировать расклад. И пусть делать это вот так резко слишком рискованно, но иногда всё определяет удачный момент. Такой, как сейчас.

За те сорок минут, что понадобились на то, чтобы доехать до отеля, закончить дела и вернуться, он успел накидать новую стратегию. Имелись большие сомнения насчёт того, как воспримут её в Конторе, но и это было решаемо. Просто не сразу. Сейчас гораздо важнее удержать Славку, выбив при этом романтическую дурь из её головы. Пусть лучше ненавидит, но боится сделать шаг в сторону, чем витает во влюблённых облаках, готовая при этом в любой момент капризно сдёрнуть в туман.

Однако, вернувшись в коттедж, Гордеев обнаружил лишь злого, требующего объяснений Коломойца и предусмотрительно запертую снаружи, но пустую изнутри Славкину комнату с распахнутым окном...

Глава 2

– Лена, не трогай её ради бога, она может быть заразная... – донёсся до меня сквозь сон сдавленный шёпот.

– Да какая заразная, ты на ногти её посмотри, там такой маникюр, что закачаешься! – прошипел второй голос.

– Всё равно не трогай! Просто запри и вызови ментов!

Я распахнула глаза и упёрлась взглядом в стену с поплывшими от сырости обоями. За спиной осторожно скрипнула дверь и дважды щёлкнул замок. Твою мать, ну вот как можно было так крупно облажаться?

На этот то ли дачный, то ли жилой посёлок я набрела к третьему дню бегства. Специально шла исключительно пешком, избегая попутков и контактов с людьми, чтобы не давать ни малейшей зацепки тем, кто, возможно, станет меня искать.

Возможно? Ха! Сомнений в этом не было – это раз. И я уже и не знала, кого теперь больше опасаться Рагифа или Гордеева – это два. Радовало только, что ни тот, ни другой не будут искать официально. Во всяком случае, хотелось в это верить.

Вообще, из Клондайка я рванула по-буржуйски, на такси. Понимала, что Гордеев в любом случае весь автопарк перетрясёт. Как и то, что в поисках меня он обязательно заглянет и к Махе. Поэтому, имея фору всего лишь в жалкие считанные минуты, я не стала терять время и двинула к ней в первую очередь – она, так-то, всё ещё должна была мне за встречу с Коломойцем.

Но даже то чудо, что в такое горячее ночное времечко она оказалось дома, а не в каком-нибудь клубе, не принесло результата – Машка пошла в отказ, мол, сейчас денег нет, да и вообще встреча была не очень-то и встреча, ожидаемых последствий не принесла, и всё такое.

Я была на адреналине, в голове тикал таймер погони. Машкина манера соскакивать с обещаний и раньше-то дико злила, а теперь и вовсе... Словом, поцапались. И даже слегка подрались, когда я, на эмоциях, сгребла её за химо и, припечатав к стене, пригрозила кухонным ножом...

В итоге, вместо обещанных ста тысяч я получила пятьсот рублей наличкой – всё, что случайно завалилось в Машкином кошельке. Карты, по понятным причинам, меня не интересовали.

– Ты дура дикая... – промакивая пальцем расцарапанную щёку, шипела Маха, глядя, как я нагло перетряхиваю её гардероб в поисках чего-нибудь попримочнее той шёлковой пижамки, которая первой попала под руку, когда я решилась бежать. – Доигралась? Прокатил тебя твой супер-секьюрити? А я предупреждала! На вот, – сама залезла на полку и вытащила мне брендовый псевдо-спортивный костюм. – Этот возьми. И кстати, если тебе прям реально бабки нужны, то могу подсказать, где взять. Никакого интима, платят хорошо, всё строго конфиденциально. Можно на постоянку, можно разово.

Я заинтересовалась. Но когда выяснилось, что речь идёт о девочке по вызову для клиентов «с особыми предпочтениями», которым не столько потрахаться, сколько поиздеваться и поунижать, я точно поняла, что не в деньгах счастье.

– Обойдусь, – сгребая в охапку то небольшое, что можно было утащить из вечно пустого Машкиного холодильника, буркнула я. – Ладно, не поминай, как говорится, лихом. А этому гаду, когда заявится, передай, что я не любитель старпёров. И вообще, член у него слишком маленький, я предпочитаю побольше...

Следующие два дня я на износ уходила как можно дальше – в случайном направлении, по пересечённой местности и бездорожью. И надо сказать, что в этот раз не было так страшно, как три года назад. Тогда я не только впервые оказалась вне дома одна, но ещё и не могла смириться

с мыслью что мамы больше нет, а единственный, у кого бы я могла искать защиты, мой отец – и есть главный источник проблем. Тогда мне казалось, земля под ногами проваливается, затягивая меня в бездну безысходности, а сейчас... Сейчас я мыслила трезво. Просчитывала наперёд свои действия, пыталась просчитать действия Гордеева. Может, дело в том, что хотя меня и раздирало от злости и обиды, но я его не боялась? Даже наоборот – это словно было противостоянием на уровне кто кого. И я чувствовала себя вполне уже взрослой девочкой, чтобы уделать эту сволочь, которая слишком много на себя взяла.

Розовый костюмчик со стразами был слишком заметным, тем более и Гордеев наверняка уже вытряс из Машки все подробности, поэтому в ближайшем же населённом пункте я украла с бельевой верёвки чьи-то джинсы и футболку – довольно поношенные и на несколько размеров больше меня, но выпендриваться не приходилось. А Машкин костюмчик променяла у какой-то алкашки на её поношенные кеды и полпакета сырой картошки с парой огурцов – всё съедобное, что у той нашлось.

Благодаря этой картошке от голода я не умирала – тем же вечером, устроившись на ночлег в небольшом пролеске, запекла её впрок и ела, когда начинало подводить живот. Однако к исходу третьего дня усталость всё равно взяла своё. Спать в полглаза под открытым небом, с комарами и постоянным ощущением, что в темноте кто-то подкрадывается – то ещё удовольствие, и я, предварительно долго присматриваясь и осторожничая, всё-таки решила пробраться с ночёвкой в дом на краю посёлка.

Дом не выглядел заброшенным, но казался достаточно покинутым, чтобы не вызывать опасений быть случайно застигнутой – в проёме входа на веранду красовалась большая круглая паутина с десятком высушенных букашек и жирным паучком по центру. Я аккуратно пробралась под ней и взялась за старенький навесной замок на двери. Он поддался довольно легко, и тёмное, полное спёртого воздуха нутро дома встретило меня тишиной и обещанием долгожданного покоя. А пропахшая пыльной цвелью постель показалась царской периной, и едва я только коснулась головой слегка отсыревшей подушки – мгновенно провалилась в мертвецкий, без единого сна и забот сон...

И надо же – оказалась в клетке!

Вскочив с кровати, первым делом проверила сумочку под подушкой. Самое ценное, что у меня сейчас было, и оно же самое для меня опасное – это два паспорта, настоящий и фальшивый. Я пока так и не решила, от какого лучше избавиться, поэтому таскала оба, хотя и понимала, что в случае чего – это будет двойной попадос.

Документы оказались на месте, как и мой старенький, от греха подальше выключенный, телефон. Новый, Гордеевский, я утопила ещё в Клондайке, в пруду сразу за коттеджем.

Осмотрелась – домик был небольшой, с единственной запертой дверью, без чердака и подпола. Сбежать, не разбив окна не получится. А разбивать, это, конечно, вариант рабочий, но крайний. За него уже точно хулиганка и порча имущества светит, а пока ещё можно попробовать просто договориться.

Стучала и в окно, и в дверь, звала, клялась, что не сделала ничего плохого, просила шанс всё объяснить – но хозяйки дома не отзывались. Хреново. Очень. И не понятно, то ли они уже позвонили в полицию, то ли решили, что можно обойтись каким-нибудь суровым соседом-дачником с топором в качестве устрашающей воспитательной меры. Я бы предпочла соседа-дачника, вот правда! Но что-то подсказывало, что это всё-таки будут менты. Ну что ж, я, правда, хотела по-хорошему...

Но едва я занесла для удара табурет, как в окно заглянула женщина. Вскрикнули обе от неожиданности, и она тут же схватилась за телефон, лихорадочно пытаясь кому-то позвонить, а я бросила табурет и замолотила в стекло:

– Я ничего не сделала, мне просто нужно было где-то заночевать! Пожалуйста, не надо полицию! Пожалуйста!

Не сразу, но уговоры помогли. Спасибо хозяйка оказалась довольно молодой – лет тридцать от силы. Правда выяснилось, что она уже полчаса, как вызвала полицию, и мне пришлось на ходу сочинять, что скрываюсь от бывшего парня-психа-мента, а поэтому в полицию мне ну никак мне нельзя! Для пушей стоворчивости я придвинула к ней свою сумочку.

– Либо сожгу её теперь, либо выкину, точно! Оригинал, между прочим, и совсем новая. Это он мне подарил, – неподдельно злясь, скрипнула я зубами, – этот гад психованный... Хочешь, забирай! Серьёзно! Просто, когда менты приедут, скажи, что я была обычной бомжихой и сбежала в неизвестном направлении, ладно?

– Бомжиха? – скептически хмыкнула хозяйка. – С таким маникюром? Слушай... – чем больше она вертела сумку в руках, тем ярче разгорались её глаза, – а это что, реально Луи Виттон? Настоящий?

Словом, договорились. И мне даже перепало кое-каких харчей на дорожку, флакон спрея от комаров и старенькая спортивная сумка, в которую я всё это и сложила.

Понятное дело, что впредь выходить к людям я опасалась. Но вставал вопрос – и что теперь? Бесконечно идти по полям и буеракам бесперспективно. Пытаться добраться до деревни и деда, который может даже ещё жив, глупо – сама же проболталась как-то Гордееву что есть такое местечко. Уж он-то наверняка давно уже просеял мою биографию через сито, и нашёл даже самые маленькие зацепки. Значит, оставалось только окончательно расстаться со своим прошлым и стать непредсказуемой даже для себя самой.

Впрочем, на пятый день скитаний, в очередной раз пытаюсь заснуть в лесополосе на подстилке из свежесорванных веток, я поймала себя на странно-тоскливой мысли, что, возможно, поспешила. Ну в самом деле, может, стоило хотя бы выслушать объяснения? Ведь даже Коломоец толком не знал, зачем Гордеев притащил меня в их тандем – я видела это по тому, как он пытался «ввести меня в курс»:

– Всё что я могу сказать – мы не торгуем наркотой, Слав. Даже наоборот, лично я, например, из наркоконтроля, и у меня тут, вообще-то, большая операция под прикрытием происходит.

– У тебя? – ошарашенно пытаюсь собраться с мыслями, цеплялась я за каждое слово. Мне было плевать на порванное на груди платье, и даже на то, что Сергей видел меня не просто без трусов, а ещё и в завлекательной позе... Всё отошло на задний план. Я просто была в шоке. – Почему именно у тебя? А Гордеев?

– Ну и у него, по идее, тоже. Я вообще думал, что это мне его для усиления дали, а не... Ну... – Он, как и я, был растерян, и, хотя и контролировал себя намного лучше, но паузы в словах выдавали.

– Ладно, допустим, он тоже. Ну а я-то вам зачем тогда?

– Я не знаю, Слав! Клянусь – не знаю! Но Гордеев вернётся и даст полный расклад. Мне...

– Пауза, и по трепещущим ноздрям понятно, что он не только растерян, но и зол не меньше моего. – Мне и самому много чего интересно, уж поверь!

– Так он что, не из твоей конторы? Ну не из этого, как вы там... Наркоконтроля?

– Нет он из другой, и если сильно упрощённо, то их контора нашу крышует. Да и вообще всех, на уровне госбезопасности. Но Гордеев, он... Ну как тебе сказать, он у них там вроде почётного ветерана уже. Не в штате, но на высоком счету. Вроде вольнонаёмного, об этом все наши знают. Я поэтому и думал, что это мне его дали, а не...

– Стоп! – осенило меня. Аж в голове загудело от новой волны злости. – Наркоконтроль? То есть, ты мент, который контролирует наркоту?

– Ну... – непонимающе застопорился Сергей, – если сильно упрощённо, то да. Но я не простой мент, я скорее...

– Ах ты сука! – От осознания как же крупно меня поймали, я окончательно впала в бешенство. Швырнула в него первым, что попало под руку – подушкой. Спасибо не вазой. –

Тварь! – А вот теперь уже полетела и ваза. – Сволочь! Ты мог помочь Верке ещё тогда! Сразу мог! Вы оба могли! Тебе ничего не стоило вытащить её без всяких денег, а ты... А вы... Вы... Твари, какого чёрта вам от меня надо?! Что это всё за цирк? Что это за...

– Я не знаю, – попытался утихомирить меня Сергей. В прямом смысле – скрутить, чтобы не швырялась ничем больше, но я брыкалась, кусалась и царапалась, и он отступил на шаг, выставив перед собой руки: – Спокойно! Дай я объясню! Я не знаю, зачем Гордеев тебя притащил, я реально сначала думал вы любовники, а когда...

– Что?! Кто? Я?! С ним?!

– Да, чёрт, дай скажу! – всё-таки ухитрившись перехватить мои руки, стянул он их крест-накрест перед грудью, как в смиренной рубашке. – Когда ты рассказала мне про эту Верку, я сразу сделал запрос. И она...

– Ты врешь! – выворачиваясь, заорала я. – Ни хрена ты не сделал! Я почти два месяца уже блядью твоей корпоративной притворяюсь, за какую-то мифическую зарплату на выкуп Верки, а ты... А вы... Да пошли вы к чёрту! Оба! – и всё-таки выскользнув из его рук, бросилась из комнаты.

Но не успела даже до лестницы добежать – Сергей догнал. Завязалась самая настоящая драка, в которой я всеми силами старалась его ударить, а лучше бы прибить, а он – снова меня обездвигать. У него получилось лучше – скрутил меня и, впихнув в комнату, запер снаружи.

– Остынь! Гордеев вернётся и всё объяснит!

– К чёрту иди со своим Гордеевым! – орала и долбила в дверь пяткой. – Открой! Я не собираюсь здесь больше оставаться! Выпусти!

– Тебе уже нельзя уходить! Ты слишком много знаешь. Ты теперь часть операции и находишься под ударом, как и все мы. Просто дождись Гордеева и стребуй с него объяснения!

– Хорошо, – меняя тактику, согласилась я. – Ладно, всё, ты прав. Просто дождёмся Гордеева. Когда он вернётся?

– Не знаю. Надеюсь скоро.

– Ладно. Тогда выпусти меня? Честное слово, я успокоилась. Выпусти, пожалуйста... Ну Серё-ё-ёж...

Но Коломоец почуял подвох, мент поганый.

– Не могу, Слав. Серьёзно, посиди пока там. Так будет лучше для тебя же.

– Скотина! – с новой силой плеснула моя загнанная внутрь злость. – Открой сказала! Открой! Открой! Открой!

Я молотила в дверь, Сергей больше не отвечал. Потом, выдохшись, сползла по стеночке на пол. Ну надо же было так глупо попасть! В голове лихорадочно всплывали события и факты – от нашей первой с Гордеевым встречи и дальше, по ходу пьесы.

Сомнений не оставалось – этот гад возник в моей жизни вовсе не случайно. И в клубе тогда высматривал именно меня – вот откуда был этот довольный, пристальный взгляд со второго этажа. И потом мне тоже вовсе не примерещилось – встал у него тогда на остановке очень даже по-настоящему, просто потому что никакой опасности в тот момент не было и в помине, и Гордеев это прекрасно знал. Как и знал, где я живу, поэтому и довёз до места, не спрашивая куда ехать. И тип этот, рыжий, с пистолетом – не просто так он потом за мной следил. И не просто так я спалила его с Ларисочкой, да ещё и перед отделением полиции – это же всё одна компашка, получается. Гордеевская.

А сам он всё это время просто плёл свои интриги, попутно развлекаясь моей неопытностью: специально запугивал слежкой – чтобы я обратилась к нему «за помощью», а когда это не сработало – использовал Верку. Просто пустил под откос две судьбы – и её, и её брата. Жестокий, циничный ублюдок, у которого ничего человеческого за душой.

И кто теперь убедит меня в том, что он не специально засветил меня перед всей этой криминальной тусовкой? Да ещё как засветил! Просто вытряхнул из тихой, безопасной норки

и выставил всем гончим на показ. Кто там облажался в прошлый раз? Пробуйте ещё! Второй сезон охоты открыт!

Наркоконтроль? Госбезопасность? Часть операции? Ха! В задницу иди, Гордеев! Я не часть, и тем более не твоя марионетка. И объясняться ты будешь не со мной, а с теми, на кого работаешь!

...Так я и сбежала. Пока Коломоец, наивно полагая, что я выдохлась, караулил меня с той стороны – я, рискуя переломанными ногами, выбралась в окно и была такова.

Но теперь, чем больше времени проходило, тем больше мне казалось, что я погорячилась. Возможно, действительно нужно было дождаться и выслушать объяснения. А потом, сделав вид, что согласна с происходящим, спокойно подготовиться и всё так же податься в бега, но с запасом одежды и денег.

Думать о том, что, выслушай я Гордеева, то, возможно, и бежать бы не пришлось, не хотела. Боялась переполняющих меня эмоций. Даже если он реально какой-то там спецгент – всё равно слишком горько становилось от воспоминаний того, как цинично он меня использовал. А Верка? Разве этому может быть хоть какое-то оправдание? Даже если это действительно дело государственной важности.

Но ещё больше было больно от того, как безоглядно верила ему я сама. Я ведь впервые за столько лет не просто доверилась кому-то, а буквально приросла к нему. Почувствовала себя защищённой и даже немного любимой... Дура. Господи, какая же дура!

Ещё через два дня, на этот раз рискнув поймать попутку, я добралась до большого приволжского города. Здесь стояла сумасшедшая жара. Ветер с Волги не охлаждал, наоборот, он дул словно из строительного фена, опалая и мгновенно иссушивая – тело, пот, мысли и последние силы. Мучила жажда, но денег на бутилированную воду у меня не было, поэтому я, подобрыв на скамейке в парке полторашку от минералки, словно заправская бомжиха ходила по уличным кафешкам и просила налить мне из-под крана.

Раздольная Волга манила, жутко хотелось купаться, но не просто охолонуться, а вообще помыться – с мылом и шампунем, смывая с себя недельную грязь и усталость. Однако, вместо того чтобы сразу же отправиться на пляж, я сначала спёрла в магазине пилку для ногтей и подчистую, где-то зашлифовывая, а где-то и просто обгрызая, сняла свой распрекрасный дорожный маникюр и педикюр.

Вот и всё. Прежняя случайная жизнь в роскоши окончательно осталась в прошлом. Из особых примет у меня теперь разве что татуха на плече, да и ту я тщательно скрывала под ворованной футболкой, а в остальном – обычная серая мышь, каких навалом.

Насчёт того, где обосноваться мысли привычно убежали в сторону дач. Это был действительно рабочий вариант – если сильно не отсвечивать, то, осев в каком-нибудь заброшенном домике и аккуратно подворовывая по дальней периферии овощи-фрукты, можно было бы жить хоть до первых заморозков. Но это было так предсказуемо! Мне казалось, Гордеев сходу расщёлкает эту схему. Больше того, преследовало ощущение, что он и так уже где-то здесь, в этом большом пыльном городе – наблюдает издали, забавляясь тем, какая же я всё-таки дура.

Иногда мне даже казалось, что я вижу его в толпе. Сердце замирало и тут же бешено ускорялось... Но это каждый раз оказывался не он. А мне всё чаще приходила мысль, что нет на самом деле никакой погони. Гордеев сам сказал как-то: «Звёзды всегда гаснут стремительно. Стоит только перестать отсвечивать, и через неделю о тебе никто не вспомнит, а через две даже не узнают при встрече»

И действительно – Рагифу я даром не сдалась, и если и был какой-то интерес ко мне – то чисто спортивный, по следам бывшего облома, так сказать. Но это совсем не то, что могло бы заставить серьёзного мужика снова бросаться в погоню. А вот Гордеев... Ему я наверняка тоже не нужна, а иначе нашёл бы уже, разве нет?

В такие минуты хотелось лупить себя по щекам. Не смей! Даже думать не смей о том, что было. Не перебирать в памяти пронзительные, до сих пор опаляющие моменты случайной близости, не гадать «а что было бы, если бы не», не выискивать этому гаду оправданий!

Но сердце всё равно каждый раз замирало, когда в толпе мелькал призрак Гордеева, а потом ещё долго разочарованно ныло – не ОН. И рычать хотелось от досады – ну почему же я такая дура, а!

На второй неделе августа справила день рождения – напекла на углях яблок, от которых уже тошнило и даже задула свечку, обычную хозяйственную, душно воняющую парафином. Вот и всё. Не было больше дурацкой оговорочки «почти» в моих девятнадцати годах, а вместе с этим не было и вообще ничего – ни жилья, ни нормального заработка, ни образования, ни хоть каких-то перспектив.

Одним из моих способов собрать денег на еду было попрошайничество. Я просто выходила туда, где тусуется молодёжь и врала, что приехала с другого конца города, и у меня украли сумку с кошельком и телефоном. Просила хоть сколько-нибудь – хоть десять рублей, хоть пятак на дорогу. Молодняк, особенно парни, обычно не жадничали, давали даже по сто рублей и за вечер вполне можно было набрать на лоток куриных окорочков.

А потом я то ли примелькалась, то ли случайно оказалась не в том месте не в то время – на меня напала местная шпана. Налетели толпой, хватали за одежду, за волосы, дёргали, толкались, травили, как паршивого щенка, и никому из гуляющей вокруг «приличной» молодёжи не было до этого дела. Спасибо мимо проходил какой-то взрослый дядька, который в буквальном смысле отбил меня у гопоты. Встретив такой отпор, они тут же отступили, но всё равно кричали издали, что мы ещё встретимся...

На это прикормленное местечко я, конечно, больше не пошла. Вместо этого попробовала походить по рынку, но здесь всё было иначе. Взрослые тётки с авоськами давали деньги неохотно, бывало, что даже за весь день я не могла набрать и сотни рублей мелочью.

Снова накатило отчаяние и ощущение безысходности. И стали появляться мысли о том, чтобы плюнуть на всё и, взяв свой настоящий паспорт, просто начать нормальную, легальную жизнь... Это отчаяние подогревалось глубочайшим стыдом – попрошайничать, на самом-то деле не так уж и просто. Особенно, когда в лицо тебе кривятся: «Здоровая кобыла, иди работай!», а сама ты с каждым днём всё больше становишься похожа на обычную бродяжку.

Так я всё чаще стала посматривать на ломбард в конце улицы. Милые платиновые цветочки с желтоватыми камушками-серединками хранились в тайнике, вырытом на участке моего временного жилища, и были самым дорогим, что я имела – не только в прямом, но и во всех остальных смыслах. Они грели душу, они же злили, они напоминали о том, что верить нельзя вообще никому, но они же снова и снова давали почувствовать себя не залётной бомжихой, но девочкой, которую сам Гордеев объявил своей. И пусть всё это было ложью – я-то проживала те дни по-настоящему! И, несмотря на глубокую обиду, даже сама мысль о том, чтобы сдать эти серьги в ломбард казалась если не кощунством, то слабостью куда большей, чем просто перестать прятаться и позволить себя найти.

Однако голод – не тётка. В первый раз я зашла в ломбард просто прицениться.

– Если с последующим выкупом, то три с половиной дам, – осмотрев серьги, вынес вердикт приёмщик.

– Так мало? Это платина вообще-то. Там даже проба есть.

– Ну и что? Сами-то по себе они никакие. Кто их купит потом?

– Ага, – с трудом сдерживаясь от того, чтобы не выложить ему, что это вообще-то эксклюзив от известного ювелирного дома, усмехнулась я, – а почему же тогда цена выкупа аж в три раза выше?

Мужик только плечами пожал.

– Хочешь больше денег, сдавай в лом. Вставки убираем, платину взвешиваем и покупаем по прейскуранту драгметалла. Вон у двери табличка с расценками. Но и так, на вскидку, тысяч на пять потянут.

– А камни? Они что, вообще ничего не стоят?

– А что это, фианиты? – с пренебрежительной ухмылочкой, снова глянул он на серьги. – Да даже если цирконы – им цена три копейки. Хочешь, себе заберёшь.

В тот раз я так и ушла оттуда ни с чем. Получалось, что тысяч за пять я могла попрощаться с подарочком Гордеева навсегда. А согласившись на с три половиной ещё имела хоть какую-то надежду выкупить серьги обратно, правда, уже за десять пятьсот. Казалось бы, ну и о чём тут думать? Потерять полторашку наличкой из-за сентиментальности, при том, что выкупить за десятку я их точно всё равно не смогу – глупее не придумаешь. Однако, каким бы бредом это ни казалось – вот так, с лёгким сердцем отдать частичку своей души в лом у меня рука не поднималась.

Поиски более выгодного предложения завели меня не в мелкую, провонявшую старостью и куревом скупку, а в приличную мастерскую при большом ювелирном отделе. Здесь было так пронзительно светло, стерильно и стильно, что я, в своих шмотках с чужого плеча и вьёвшейся под ногти чернотой от печёной картошки, сначала долго не решалась обратиться к продавщице, а когда всё-таки рискнула – чуть под землю не провалилась под её недоумённо-оценивающим взглядом. Однако мне не отказали, и даже согласились посмотреть, что же я принесла.

Проверив для начала пробу, продавщица отошла к напарнице, и они уже обе смотрели серьги на свет и, с интересом поглядывая на меня, о чём-то совещались.

Наконец, объяснив, как найти дверь мастерской с торца этого же здания, они даже прямо при мне позвонили мастеру и предупредили о моём визите. И это порадовало. Люди явно понимали в украшениях больше, чем барыги в приёмках, и, хотя сути это не меняло, я ведь всё равно собиралась променять часть своей души на деньги, надежда на то, что серьги не пустят банально в лом, хоть немного успокаивала.

В мастерской – небольшой, разделённой перегородкой комнате с железной решёткой на входе, было уединённо и прохладно. Играла какая-то ретро-музычка, на прилавке приёмного окошка спал чёрный как смоль кот. Немного смутило, что, взяв серьги, мастер, мужчина сильно в годах, со специальным увеличительным окуляром на глазу, попросил вдруг и паспорт. Но на моё испуганное «Зачем?» он лишь невозмутимо пожал плечами:

– Когда вы в банк валюту сдавать приходите, у вас же документы просят? Вот и мы серьёзная организация, а не цыганская скупка какая-нибудь. Не переживайте, это стандартная процедура. Просто формальность. – Поднял смешливый взгляд: – Или вам есть что скрывать?

– Нет, – криво улыбнулась я в ответ и протянула фальшивый паспорт.

Мастер изучил его и, удовлетворённо отложив на край стола, принялся за серьги. Долго рассматривал их, обе поочередно: натирал тряпочкой, менял яркость направленного света, добавлял к увеличению через глазной окуляр огромную лупу, и вообще, только что на зубок не пробовал. Всё действительно выглядело настолько профессионально, что у меня аж ладошки вспотели от волнения. Наконец он выключил светильник над столом.

– Вы хотите их сдать, я правильно понял?

– Ну... Вообще я пока просто прицениваюсь.

– Уже обращались в скупки? – сменив профессиональный окуляр на обычные очки, взялся он за сотовый. – И что же вам там предлагают, если не секрет?

И я вдруг испугалась. Подумалось вдруг, что это, может, вовсе и не платина, а очередная подстава от Гордеева – какая-нибудь фигня с драгоценным покрытием и левой пробой – не даром же та администраторша в салоне пару раз оговорилась, что серьги сделаны частично из материала заказчика. Будет эпично, если сейчас меня обвинят в попытке мошенничества, под белы ручки и в участок...

– Пятьдесят тысяч! – сходу пресекая любую возможность торга, брякнула я. Пусть обалдеет, скажет, что это дорого, да я пойду, от греха подальше. Изначально дурацкая была идея связываться с официалами. – Наличными, сразу!

Но мастер не обалдел. Лишь приподнял бровь:

– Пятьдеся-я-ят? А куда вы обращались, если не секрет?

– В ломбард, не помню название. Слушайте, ладно, я, наверное, лучше там и сдам. Извините за беспокойство и отдайте мне...

– Не торопитесь, думаю, мы предложим больше, – спокойно прервал он меня. – Сейчас я созвонюсь с офисом и выясню точную сумму. Просто подождите немного.

И, взяв мой паспорт, удалился за перегородку. О чём и с кем он там говорил, я не слышала, да и не слушала – меня накрыла паника. Это всё явно неспроста! И дело не в фальшивости серёжек, наоборот, они без сомнения настоящие, а вот бомжиха с сальными волосами и грязными ногтями, выдающая себя за их хозяйку точно вызывает вопросыки...

Кот обиженно мявкнул, когда я спихнула его с прилавка и, просочившись между прутьями решётки, слинял к мастеру. А я... Я не была котом, поэтому чуть не застряла, протискиваясь в чертовски узкое окошко приёмки. И если бы в этот момент пришёл ещё какой-нибудь клиент – он бы застучал мою задницу, по пояс торчашую снаружи, красное от натуги лицо и тянущуюся к серёжкам руку... Но никто не пришёл, и я, благополучно своровав собственные серьги, сбежала.

Этой ночью я почти не спала, морщась от синяков на рёбрах и пытаюсь сообразить, что же теперь. В мастерской наверняка были камеры, заснявшие мой беспредел. И пусть формально я ничего не украла, но само поведение вкупе с фальшивым паспортом – это конкретный попадос... Но всё-таки это намного лучше, чем если бы, благодаря оперативному звончку мастера, менты приняли меня уже на выходе из мастерской.

Просто пришло время в очередной раз менять город, только и всего. Но на этот раз у меня будет целых пять тысяч наличкой!

Утром следующего дня я уже была в ломбарде за рынком. Приёмщик, вытирая об штаны испачканные беляшом руки, кивнул мне, как старой знакомой:

– Ну что, в лом?

Я, зажимая серьги в кулачке, кивнула... но в последний момент не выдержала:

– Нет! С выкупом!

Видеть, как эти милые цветочки сминают чьи-то чужие грубые руки, выковыривая камушки и превращая полный глубокого смысла талисман в безликий лом было выше моих сил. Это пусть Гордеев крушит и калечит, ему бездушному, это проще простого. А я не стану. Я просто прощу и отпущу.

Выходя из ломбарда с деньгами в кармане, вместо радости я испытывала неподдельную тоску расставания. Такого со мной ещё не было. Я словно только сейчас окончательно поняла, что этот странный, непонятный, но ставший таким удивительно близким человек навсегда остался в прошлом. А на его месте осталась лишь дыра. Щемящая нерастроченной нежностью пустота.

Глупо отрицать – я как последняя дура влюбилась в этого бритого гада. Он мне сердце расцарапал, а я всё равно не верила, что он хотя бы на секундочку, хотя бы в тот волшебный день на стрельбище, не был со мной искренним...

Наверное, эта хандра и сыграла со мной злую шутку: я настолько ушла в себя, что не заметила слежку. А когда на меня напали, было уже поздно бежать – они налетели, заволокли в кусты и, угрожая ножом, обобрали карманы и сбежали. То ли эти гады засекли меня ещё у ломбарда и вели именно с целью обворовать, то ли просто случайные – какая теперь разница? Спасибо не изнасиловали. Жаль, что не прибили.

Переночевала я на прежнем месте, а с первой зарёй пошла прочь. Решила для начала отойти как можно дальше за черту города, а там уже попытать счастья с попуткой. Так к полудню добрела до пригородной автозаправки.

Страшно уставшая и голодная, сидела на корточках чуть поодаль от входа в маркет и наблюдала, как из него выходят дожёвывающие еду люди и, на ходу допивая кофе, бросают стаканчики в урну. Думала – а вот если сейчас кто-нибудь выкинет недоеденный хот-дог... неужели я подберу? И отсутствие однозначного «нет» пугало.

От колонки отъехал и затормозил почти у входа изящный беленький лексус. Из него вышла дамочка лет тридцати пяти и, что называется, «вся из себя на миллион»: дорогие шмотки, красивая фигура, ухоженная кожа и приятные, милые черты лица. Только сама слегка не в себе: сначала не заметила бордюр и чуть не растянулась на пороге, потом чуть не вошла лбом в закрытые двери... Пьяная, что ли?

Я проводила её взглядом, а у самой сердце заколотилось – рассеянная мадам не закрыла машину! Больше того, даже двигатель работал, и, если бы я умела водить, то запросто могла бы её угнать. Но водить я не умела, а вот всё остальное...

Осторожно заглянула в витрину заправки – дамочка подошла к кассе, но перед ней ещё была очередь из двух человек. И я, воровато обернувшись на колонки, подошла к машине. Задние стёкла были тонированные, передние лишь слегка зеркальные. Одним глазом карауля хозяйку, я заглянула в обтянутый светлой кожей салон: на сиденьях спереди ничего не было, а вот на заднем померещилась беззаботно брошенная сумочка.

Адреналин зашкаливал. Руки потряхивало, жёстко пересохло в горле, но времени на рефлексию не было, и я, осторожно приоткрыв заднюю дверцу, подхватила сумочку. Но, сбега с места преступления, с разворота влетела напрямиком в грузного заправщика!

– Кур-р-р-ва! – схватив меня за химо, зарычал он на всю заправку. – А вот я тебя сейчас!

– Пусти, козёл... – в отчаянии зашипела я и попыталась ударить, но кулаки мягко проваливались в бескрайнее пузо и не дотягивались до красной морды. – Пусти, сказала, гад!

– Курва! Воровка поганая! А вот я тебя сейчас!

– Спасибо, за помощь, но не надо столько крика, пожалуйста, – раздался вдруг спокойный голос сзади.

Заправщик, всё так же цепко удерживая меня почти навесу, резко обернулся.

– Держите. – Хозяйка машины протянула ему зажатую в ладони купюру. – Держите, держите! Моя благодарность. А полицию не надо.

– Но она же...

– Всё в порядке, дальше мы сами, – открывая водительскую дверь, повторила она. – Просто посадите её назад.

Мужик впихнул меня в кондиционированное, пахнущее дорогими духами нутро лексуса. Тут же щёлкнул центральный замок, и я оказалась в ловушке, а дамочка, недовольно хмурясь на сбегающую толпу зевак, тут же тронулась с места.

Я ошалело молчала. Ну а что мне ещё делать-то? Кидаться на неё? Душить, кусаться? Был бы мужик, ещё ладно, но с бабой...

– Что у тебя случилось? – заговорила вдруг она. – Расскажи.

– Тебе какое дело? – вырвалось у меня.

Она удивлённо полуобернулась:

– Дерзишь? А тебе не кажется, что ты не в том положении?

– Ха! – снова вырвалось у меня. – Я сама разберусь, что мне делать!

Не знаю, что на меня нашло. То ли с перепуга, то ли замкнуло от резкого контраста моих последних дней скитаний с этой роскошной дамочкой. Да ещё и этот её нравоучительный тон...

Короче, З – зависть, Н – ненависть. Ну и переволновалась, конечно – язык еле ворочался и тряслись от страха поджилки.

– А что, если за тебя разберусь я? – спокойно парировала дамочка. – Один звонок в полицию, и вот ты уже на полном гособеспечении. Как тебе такое?

– Да за мной знаешь, какие люди стоят! – агрессивно подалась я вперёд. – Проблем хочешь? Нет? Тогда советую отпустить меня по-хорошему!

Дамочка резко, так, что я чуть не врезалась носом в спинку кресла, затормозила. Смотрели друг на друга и молчали. Она меня изучала – неторопливо, словно оценивая, а я лихорадочно пыталась сообразить, как быть. Может, всё-таки напасть?

– Есть хочешь? – спросила вдруг она.

Я вздохнула и позорно сдалась:

– Да.

Вернулись на ту же заправку.

– Имей в виду, у меня тут регистратор, – уходя, предупредила мадам.

И пока она не вернулась, я сидела, боясь шевельнуться, и только шарилась взглядом по салону в поисках камеры. Не нашла. Но и проверять желания не было. Зато появилась надежда, что можно будет договориться по-хорошему.

Дамочка принесла хот-дог и большой стаканчик кофе. Было капец как стыдно, но голод не тётка, поэтому я, приняв подачку, пригнулась за спинку кресла и вгрызлась в сосиску.

– А теперь рассказывай, – дав мне немного времени, заговорила дамочка. – Просто из дома ушла или скрываешься от кого-то?

Я чуть не подавилась. Поспешно проглотила огромный недожёванный кусок.

– Нет, с чего вы взяли! Я автостопом путешествую!

– Да? – скептически хмыкнула она. – А выглядишь, как человек попавший в беду. Я с такими часто сталкиваюсь, глаз намётан.

– Ну... да, есть немного, – не стала я спорить. – На меня тут просто напали недавно, ограбили. Деньги, документы и всё такое...

– В полицию обращалась?

Я промолчала, она кивнула.

– Ну понятно. Ладно, ешь. Остынет.

В полном молчании кое-как дожевала сосиску, допила кофе. Дамочка всё это время задумчиво смотрела в пространство перед собой. Я бы даже предположила, что у неё и у самой что-то случилось и теперь она гоняет это в мыслях, но представить себе такую богачку в подобных терзаниях просто не могла. У таких вся жизнь, как правило, на расслабоне, и самая большая беда – это когда любимый шпиц не может покакать самостоятельно.

– Кхм... – аккуратно стряхнула я крошки с коленей на пол. – Спасибо за еду. Можно я теперь пойду? Ну правда, зачем я вам, я же ничего не успела взять! Клянусь, что больше так не буду. Ну пожалуйста!

– Как быстро уходит дерзость, стоит её только покормить и приласкать, правда? – задумчиво усмехнулась дамочка.

Ох, как эта правда уколола! В самое больное!

– А я вас вообще-то и не просила! Я, между прочим, и сама...

– Заработать хочешь? – перебила дамочка. – Пятьдесят тысяч наличными, сразу.

Глава 3

Немногим ранее

– А где же твоя прекрасная помощница? – поинтересовался человек Гаранта, этот, который оказался давним знакомым Гордеева, Рагиф. – Ходят слухи, что уже дня четыре, как не видно её? И вроде бы её даже нет в городе?

– Слухи, – невозмутимо щёлкая клавишами ноутбука, ответил Коломоец. – Она просто осталась дома.

– Мм. А я уж распереживался. Подумал, а не ожидает ли нас какой-нибудь неприятный сюрприз, от которого кто-нибудь мог бы захотеть девочку побережь. Кто-нибудь, – едва заметный поворот головы в сторону Гордеева, – кто, как разносит молва, по уши в эту девочку влюблён?

Коломоец расслабленно рассмеялся.

– Молва несёт так же, что в эту девочку влюблены вообще все, кто с ней сталкивался. И может, даже ты? – открытый, с вызовом взгляд. – А иначе, откуда такой интерес к чужой бабе?

Рагиф отзеркалил его расслабленный смех и повёл застывшими, выдающими напряжение плечами.

– Всё может быть, всё может...

Это выглядело как пустой трёп, заполняющий тяготные минуты ожидания, но на таких встречах порожнего не бывает, и присутствующие это знали, поэтому настороженно прислушивались к разговору и с ещё большим вниманием следили за действиями Коломойца. Любая мелочь могла сорвать операцию. А уж намёки на то, что кто-то из присутствующих играет двойную игру – тем более!

Коломоец тоже это знал, как и его начальство. И поэтому все они тоже находились в жутком напряжении. Рассредоточенные по городу группы захвата ждали команду, координаторы ждали сигнал дать команду, Коломоец ждал момента дать этот сигнал – тот самый, ради которого уже почти два года жил чужой жизнью. И не сказать бы, что плохо жил – в конторе даже вышестоящие чины порой не могли сдержаться и не подколоть, тем, что агент Босой не торопится шевелиться не потому, что дело требует предельной осторожности, а просто не охота ему выходить из-под такого жирненького прикрытия, как успешный бизнес мажористого олигарха. Шутили, конечно. Знали, что Босому вся эта роскошь как рыбе вода – он ведь и был самый настоящий мажор откуда-то из Сибири.

И всем он был хорош для своей роли: и хваткой, и внешностью, и манерами, и даже реальной родословной сыночка нефтяного магната – не подкопаешься. Его легенда была прозрачна, как слеза младенца, а послушной девственно чист, поэтому и дело считалось потенциально успешным. И тем удивительнее стало, что сама Госбезопасность дала вдруг ему в усиление своего нелегала.

Для Коломойца это было лестно. Кто из отдела мог бы похвастать тем, что имел в подчинении ГБэшника, да ещё такого, как Гордеев? И кто бы мог подумать, что именно этот легендарный Гордеев так поднастрёт в самый ответственный момент?!

Нет, поначалу-то всё шло очень ладно – Гордеев реально помогал, но не вмешивался. А потом вдруг началось... Например, зачем в его, агента Босого, операции понадобилась Славка Коломоец так и не понял, но сверху спустили директиву не взбрыкивать и лишних вопросов не задавать, мол, Гордееву виднее. Ладно. Проглотил.

Однако с появлением Славки вот это «Гордееву виднее» стало вдруг сыпать как снег на голову, и чем дальше, тем больше вызывать вопросов без ответов и тем сильнее раздражать. Но приказ есть приказ, и Босой продолжал работать. Надеюсь, что однажды его всё-таки посвятят в

детали. Не последний всё-таки человек в этом деле. Да, собственно, первый. Всё ведь завязано именно на нём, а вовсе не на Гордееве...

Однако, внятных объяснений не поступило даже после того, как оказалось, что у Гордеева есть код принятия руководства операцией на себя, а Славка тупо сбежала. И если раньше ещё можно было согласиться с доводами, что её присутствие в операции способствует рассеиванию излишнего внимания фигурантов к деталям, и в решающий момент это действительно сработало бы на руку Коломойцу, то теперь её отсутствие только создавало у тех же фигурантов многократно возросшее напряжение и ненужные подозрения.

И это всё устроила легенда спецслужбы! Тот, которому «виднее» как надо, и который стал вдруг непосредственным начальником Босого в этом деле!

Только вот теперь эта крупно облажавшаяся и за какие четыре дня осунувшаяся до синяков под глазами «легенда» стояла с пушкой наперевес где-то там, в тени за спиной, и помалкивала. Ну правильно, а что тут скажешь-то. Разгребать-то теперь агенту Босому, операция-то на нём завязана.

– На счёт всеобщей влюблённости – это спорно, я, например, девочкой вовсе не впечатлён, – заявил вдруг представитель покупателя, с напряжением всматриваясь в то, как Коломеец, успешно пройдя верификацию в личном кабинете оффшорного счёта Даймонд-Джи, открывает защищённый шлюз валютной операции на принятие. – Но ситуация действительно интересная. Эта девочка появилась так внезапно и всё последнее время так назойливо светила где надо и не надо, что, думаю, все уже были уверены, что ты притащишь её и сегодня, но её здесь нет, и у меня тот же вопрос – почему? Менять коней на переправе – плохая примета. Менять привычки накануне большого дела – тем более.

– Привычки прежние, просто девочка приболела, – так же внешне невозмутимо повторил Коломеец. – Температура, насморк. С кем не бывает?

– Действительно, бывает. Но тогда я хотел бы передать ей привет. Сейчас. По видеосвязи. Ты же не против?

Коломеец поднял взгляд от ноута и пожал плечами:

– Без проблем, только прямо сейчас мой телефон обеспечивает защищённое соединение по операции. Может, позже?

– А может, тогда твой по уши влюблённый Ромéo её наберёт? – предложил Рагиф.

– Мы тут баб обсуждать собрались или дела делать? – глянул на часы невысокий тип с тяжёлыми бровями. Он прилетел аж из Москвы, представлять интересы продавца, и с самого начала заметно понтовался, заставляя нервничать и без того нервных остальных. – Или у вас тут всё такое, на расслабоне? Розовые сопли, ванильные слюни?

– Послушай, дорогой, – перебил его человек покупателя, – при всём моём уважении, но тебе пока слова не давали.

– А, у вас тут, в провинции, так дела делают, да? – фыркнул тип, вызвав новую волну раздражения. – Хамить партнёрам на стрелке – несерьёзно как-то. У нас за такое...

– Мы не хамим, – прошипел Рагиф. – Просто не знаем, как у вас там, а у нас тут главный не тот, кто барыжит, а тот, кто бабки платит. Уважаемые люди согласились взять ваш товар, а ты нам тут про свои понты. Некрасиво получается. Не говоря уж о том, что, если ты случайно сдохнешь, – красноречиво качнул стволом, – на твоё место просто пришлют нового. Но дела от этого быстрее всё равно не пойдут, согласен?

– Если я случайно сдохну, – ухмыльнулся тип, – случайные люди случайно трахнут твою маму. Согласен?

Сцепились, хватая друг друга за грудки. По комнате тут же пронёсся сухой треск скинутых предохранителей, охрана ошетилилась стволами всех мастей. Атмосфера мигом накалилась до предела, и в этой суматохе никто не заметил, как Коломеец в пару кликов сменил одно окно транзакции на другое, идентичное. Почти.

– Готово, – невозмутимо развернул он ноут к участникам сделки. – Шлюз передержки открыт, на безопасное введение ключа ровно минута.

Стычка моментально затихла. Представитель покупателя приложил к уху телефон. Все настороженно замерли.

– Это я, – сухо сообщил он в трубку. – Всё в порядке. Нужен ключ. – Прикрывая клавиатуру рукой, вбил данные в нужное поле, щёлкнул Ввод. – Понял. Сделаю. – Сбросив вызов, развернул ноут к Коломойцу. – Деньги пошли. Но наши планы слегка меняются, мы не будем принимать товар сегодня и здесь. Дату и время сообщим персонально каждому в течение часа.

– Какие-то проблемы? – напрягся Рагиф.

– Нет. Просто дополнительная осторожность. Покупатель хочет подстраховаться.

– Возражаю! – возмутился понтовый московский тип. – Договорённость была чёткая – все дела сразу, в одном месте. Мы тут не на базаре яйцами торгуем, чтобы сиськи мять.

– Мы уже заплатили, какая вам разница, когда заберём товар? – агрессивно вскинулся покупатель.

– А может, нам ваши мутные схемы невнятно пахивают, и мы тоже подстраховаться хотим? Ты сейчас в кусты, а нас с товаром менты накроют. Вам бабло за неудачную сделку вернётся, и менты товаром поделятся, а нам хер на киче сосать? Не работает так, уважаемый!

– Ты на кого пургу метёшь? – прорычал Рагиф. – За чистоту сделки Гарант лично поручился!

– А я его знать не знаю, Гаранта вашего! Он, может, тут у вас, в наркоконтроле, масть держит, и ему вся статья конкурентов красиво убрать?

– Если стороны желают, я готов сам принять товар, – вмешался в спор Коломонец. – Прямо сейчас. – И небрежным движением захлопнул крышку ноутбука.

Всё. Это и был сигнал. Главное сделано – зашифрованные данные покупателя уже попали в нужный источник и успешно идентифицировали его личность. Следствие получило исчерпывающие доказательства его непосредственной причастности к организации и крышеванию крупнейшего наркотрафика региона, и с этой минуты всё происходящее в этой душной комнате без окон уже не имело значения. Начался глобальный движ снаружи: полетели команды на одновременное задержание каждой щупальцы этой гидры – от самого мелкого разносчика закладок до матёрых крышевателей, представителей органов власти всех уровней. Все они были уже давно установлены и взяты под пристальный контроль, не хватало лишь непроверженных доказательств против головы. И вот, наконец, появились и они.

На выходе из закрытого частного клуба всех участников сделки тоже поджидала группа захвата. Унизительно валяясь «лицом в пол, руки за голову», а потом стойко выдерживая грубый выворот локтей за спину и бесцеремонные пинки, которыми задержанных гнали к автозаку, агент Босой чувствовал странную пустоту в душе. И вроде бы – успешное завершение такого масштабного дела, дальше наверняка повышение и новые перспективы... А у него почему-то нудно саднило под ложечкой.

Из приёмника – в камеру предварительного. Причём, против правил, в общую. Промолчал на это. Сцепив зубы, включил терпение. Начальству виднее, как выводить агента из-под прикрытия.

Но прошли сутки, вторые, четвёртые... И стало понятно, что про него либо забыли, либо что-то пошло не так.

С-сука. Ну неужели Гордеев и тут оказался прав?

Глава 4

– Я тебе сразу сказал. Ты не поверил.

Они были в комнате вдвоём, сидели, разделённые столом и полумраком. Настольную лампу Гордеев специально включать не стал – всё-таки не на допросе. Но и наручники с Коломойца снять не велел – чтобы у того не возникало иллюзий на счёт несерьёзности происходящего.

– Сразу? – почти прорычал Сергей. Коломонец или Босой – не суть. Для Гордеева он был хотя и перспективным, но всё-таки пока ещё пацаном Серёгой. – Это когда? Когда уже зад припекло и один хрен поздняк метаться стало?

– Не припекло, не выдумывай. Всё прошло согласно плану, просто с нюансами. Но так оно обычно и бывает. Привыкай.

– Плану?! Да если бы не этот шнырь московский, ещё не понятно, чем бы обернулось! Ну припёрли бы тебя Славке звонить, и что тогда?!

– Не припёрли бы. А от шныря тебе привет, кстати. Просил передать, что для первого раза ты прям молодцом.

Многочисленно дёрнувшаяся бровь, пауза...

– Так он... – нахмурился Коломонец и вдруг зло рассмеялся: – С-сука... Твою мать... Как ты это провернул?

– Как обычно, с нюансами.

– А предупредить не судьба было?

– Ты бы тогда ещё больше секатил. А так – красиво держал масть. Наша со Шнырём тебе уважуха.

– Да пошёл ты!

Гордеев, рассмеявшись, откинулся на спинку стула.

– Ничего, Серёг, всё приходит с опытом. И тут мы возвращаемся к тому, с чего начали. У тебя теперь только два пути. И решать нужно сейчас.

Коломонец молчал. Может, думал, что это какая-то проверка? Или реально до сих пор не верил, что с ним могли так поступить? Зря.

О том, что его сольют Гордеев понял едва только узнал под кого они копают. Там вырисовывались такие персонажи, что было ясно как день – дело не столько в наркоте, сколько в переделе власти, а значит тем, кто это затеял – кому-то на самой самой верхотуре – непременно понадобится кто-то крайний. А значит, в ближайшем будущем агенту Босому не только не придется ждать освобождения, но, скорее всего, ещё и какое-нибудь красивое обвинение выкатят.

– Да даже если и отпустят тебя отсюда, – поднажал Гордеев, – то не раньше, чем через год-другой. И что тогда? Думаешь, вернёшься к оперативке? Забудь. Это была твоя главная роль. Первая и единственная. Ты слишком заметный для оперативки, Серёг. Максимум что тебе теперь светит – бумажки в кабинете перекладывать. Но и это вряд ли.

Помолчали.

– Папаня твой, кстати, уже официально от тебя открестился. Сказал, что семь лет с тобой не контактил и впредь контактировать не собирается. Что вы там, с ним, бабу не поделили? Хотя не важно. Суть в том, что он тоже тебя слил. И это он пока только официалам подлизывает, чтобы его в связи с наркоторговлей не заподозрили, а представь, что будет, когда откроется что ты вообще мент? Это подстава, Серёг. Ему проще тебя заказать, лишь бы не потерять доверие авторитетных товарищей. Скажешь, не так?

– Это ты меня вербуешь что ли? – глухо отозвался тот.

Молодец. Всё верно понял. Удовлетворённо кивнув, Гордеев поднялся.

– Надумаешь, требуй адвоката Щеглова.

– Кто это?

– Почти никто. Просто адвокат. Но мы с ним на связи. – И, натянув бейсболку, пошёл на выход.

– У тебя своя игра, так ведь? – окликнул Сергей. – И наша контора со своей операцией и всем этим глобальным наркотрафом были для тебя, нелегала одиночки, всего лишь прикрытием, так? – Понизил голос: – Ну и кто ты такой? И главное – откуда?

– Адвокат Щеглов, – вместо ответа напомнил Гордеев. – А иначе ты здесь надолго. – И, не оборачиваясь, вышел.

А вечером следующего дня состоялся ещё один важный разговор на явочной квартире за пару тысяч километров от камеры Коломойца и от города, куда три года назад нелёгкая занесла сначала Славку, а потом, по её следу, и самого Игната.

– У меня всё под контролем, – в который раз за последние дни заверил он Деда. До этого были созвоны по секретной линии, а теперь первая за полгода личная встреча. – Девчонка далеко не уйдёт. Я нашёл её однажды с полного нуля, а теперь у меня есть её психологический портрет и актуальные данные. Так что счёт идёт на дни.

– У меня тоже есть данные, – подался вперёд Дед. На его и без раздражения вечно красном, обожжённом в бою лице прозрачными озёрами блестели удивительно молодые, небесно-голубые глаза. Крепкой серебряной пеной разлилась по голове и бороде седина. Потому и Дед, что Мороз. А сам ещё вовсе не старый. – Актуальные! И согласно им ты, говорят, попутал. В любовь заигрался. Так?

– Так точно, заигрался, – кивнул Гордеев. – Но это согласованно.

– С кем?

– С вами.

Дед сцепил руки на столе, впился взглядом в Гордеева, словно пытаясь рассмотреть на его лице признаки растерянности. Не нашёл.

– Вот именно. Согласовано. И очень надеюсь, что ты находишься в этих рамках. Не имеешь права слиться, это ясно?!

– Так точно. Не имею.

– Тогда что это за дешёвая симуляция? Думаешь, Жагровские идиоты?

– Никак нет. Но так будет лучше. Важно чтобы в отношении в первую очередь поверила сама девчонка. А для этого мало просто потрахаться. Она должна влюбиться.

– А ты?

– А я нет. Но мне будет проще изображать одержимость, если будет что зеркалить. Я гарантирую, что всё под контролем. Если есть сомнения в моей адекватности, можно запросить архивы сессий у Дока.

– Даже не сомневайся, запросил уже! – Снова долгий изучающий взгляд глаза в глаза, и собранные в жёсткие складки губы слегка разгладились: – Ладно. У меня нет повода не доверять тебе. Пока. Но больше никакой самодеятельности! Все необходимые корректировки строго через меня! А иначе... – Сжал кулак. – Ты лучший для этой роли, Гордеев, но не заменимый. Не забывай об этом. И уж тем более не заставляй напоминать.

– Так точно, корректировки строго через центр! – подтвердил Гордеев. – Разрешите идти?

...Сидел потом в тёмной кухне своей очередной, бесконечной по счёту служебной хаты, простой облупленной однушки типа «хрущёвка», и, отрешённо глядя в невидимую точку, пытался нащупать ещё хоть что-то, что упустил из виду. Что наведёт на след. Но ничего не было. Славка оказалась стреляным воробьём – все следы оборвались на гламурном костюмчике доставшемся местечковой алкашке за пакет картошки. И всё, что знал теперь Игнат – девочка

уходит пешком, не придерживаясь дорог и конкретных направлений, как обычно уходят те, кому не за что больше держаться. Просто в никуда.

И всё же, даже несмотря на то, что найти её было бы куда проще если бы она засветила хоть один из своих паспортов или воспользовалась одним из телефонов, Гордеев молился, чтобы ей хватило ума не делать этого. Он не один её искал, и шуточные намёки Рагифа только подтверждали это.

Славка с самого начала допустила огромную оплошность, заявившись к Машке. Связанная родственными связями с Садальским и Корнеевым, та и к Коломойцу-то не просто так подкатывала, и, если бы не Славка и её тёрки с Машкой, сам Коломонец ещё долго бы искал, кто под него роет и тормозит операцию. И вот теперь все они в СИЗО и не имеют контактов с внешним миром, но информация о Славкином бегстве уже успела просочиться и дойти до Рагифа, а от него, наверняка, ещё глубже.

Но самое хреновое, что, если они найдут её первыми, Гордееву никто докладываться не будет. Возможно, даже, что она у них прямо сейчас, а он если об этом и узнает, то лишь когда будет уже слишком поздно. И от этой банальной истины всё внутри каменело.

Глава 5

«Пятьдесят тысяч наличкой» прозвучало как заклинание. Да и стоило лишь мне узнать, что дамочка пакостит собственному мужу, как всё встало по местам – обычная богатенькая самодурка в период обострения. Но иногда можно, вот серьёзно! Особенно если мужик крупно накосячил. И ездила бы я на лексусе, я бы, может, тоже мужику своему послания на капоте его тачки оставляла. Гвоздём. Разве не изящная женская месть? Идеально! Я даже невольно заужала дамочку за изобретательность.

– На парковке нет охраны, только камеры, – отвозя меня обратно в город, наставляла она. – Но камеры – это больше для полиции, а он в неё обращаться не будет, сто процентов. Так что просто царапай и беги.

– А если всё-таки поймают?

– Исключено, – уверенно мотнула она головой. Но, видя мои сомнения, поспешила успокоить: – Ладно, если вдруг что, включай побольше дерзости, чтобы прям сносило. Чтобы создавалось ощущение, что ты вообще никого и ничего не боишься, потому что за тобой стоит кто-то большой. Ну и сама не бойся, с тобой в любом случае ничего не случится. Максимум попугает и отпустит. Ты, главное, помалкивай кто тебя нанял. Пока он этого не знает, ни о какой полиции не может быть и речи. А проболтаешься – сразу сдаст. Уж поверь, я знаю, о чём говорю. Как всё сделаешь – кинешь смс. Только номер мой в книгу не добавляй, так запомни. На вот, – протянула тысячную купюру, – поужинай сегодня нормально.

Весь оставшийся день и часть ночи я слонялась по городу, а когда усталость взяла своё – забралась в густые кусты в парке и вырубилась.

Часов около десяти утра была на месте. Клуб-ресторан с небольшим палисадничком и открытой террасой на втором этаже пока не открылся, и можно было спокойно осмотреться.

Волновалась ли я? Сомневалась ли? Не то слово! До того момента, как приедет дамочкин муж оставалась ещё куча времени, а меня уже нездорово потряхивало. Но, сотню раз передумав туда и обратно, я всё-таки взяла себя в руки. И когда в конце улицы показалась наконец спортивная машина с дерзкой жёлто-алой полосой на капоте, я уже точно знала, что пойду до конца.

Тачка была похожа на сверкающую лаком игрушечку, и от неё за версту несло новьём и дорогими понтами. Скрываясь в кустах чуть поодаль, я проследила, как из неё выбрался крепкий, спортивного сложения мужик в тёмных очках и ярких, под стать машине кроссовках и скрылся в здании ресторана.

Дала «клиенту» минут тридцать – сделать заказ и приступить к обеду. Потом ещё минут пять выжидала пока с парковки уйдут вновь прибывшие посетители.

Ладони потные, пульс зашкаливает. Давай, Славка, на счёт три – раз, два... Пошла!

Гвоздь скользил по девственному лаку капота с пугающе звонким скрежетом. Слово из трёх букв впечатывалось в заоблачные понты тачки легко, как клеймо в плечо проститутки. Нацарапав его, я даже замерла на мгновенье, в творческом порыве прикидывая, не дополнить ли текст смайликом, когда в шею сзади грубо впились пальцы. Больно до чёртиков, аж в глазах потемнело!

Как там дамочка сказала – побольше дерзости? Ха! Да никакая дерзость не сравнится с банальным, до усрачки, ужасом. Я не соображала. Вообще. Поймавший меня с поличным мужик волок теперь в здание ресторана, а я изворачивалась и орала благим матом про то, как всех тут порву. Но когда меня поставили перед самим хозяином тачки – резко осеклась. Мгновение, всего одно микроскопическое мгновение, а у меня сердце перевернулось от предательской радости – Гордеев! И уже в следующий миг разочарование – нет, не он. Просто неуловимо похож.

– Паш, какого хрена? – возмутился хозяин. Он сидел за столиком не один, а в компании с солидного вида дядькой. – Что происходит?

– Данила Александрович, она вашу машину покоцала! Новую!

– Ну что тут скажешь, – после тяжёлой паузы, процедил хозяин сквозь зубы. – Попала девчонка не по-детски. Только чего ты её сюда-то припёр? Вызывай комиссаров!

– Так она вот, Данила Александрович! Вот этим! – выложил Паша на столик мой гвоздь. Я невольно сжалась. – Слово из трёх букв нацарапала!

– Хех! – крикнул сидящий за столиком второй мужик. – Смертница!

Хозяин тачки засопел, трепеща ноздрями... и вдруг рассмеялся. Громко и весело, как припадочный! Просто жуть. Даже поймавший меня Паша – и тот растерялся. Его хватка немного ослабла, и я тут же попыталась сбежать, но не получилось. А хозяин тачки, резко оборвав смех, сорвался вдруг с места и, ухватив за химо, поволок меня на улицу. С нашего пути испуганно разбегались официанты, и, задницей чуя, что всё-таки мне конец, я зорала из последних сил:

– Гад! Руки убрал от меня... Да ты знаешь, вообще, с кем связался! Урод!

Но бесполезно, хозяин меня не испугался и хватку не ослабил. Замерев возле машины, он сначала побелел, затем стремительно побагровел.

– Чтобы ты понимала, эта тачка стоит двадцать миллионов! – Показалось, что он меня сейчас просто прибьёт, но он только остервенело сминал в кулаке мой ворот и скалился. – Ремонта на лям-полтора точно. У тебя есть такие деньги?

– Да пошёл ты! – несмело огрызнулась я.

– Ну я так и думал, – усмехнулся вдруг он, и ослабил хватку. – Ну что ж, похоже, следующие лет пять тебе придётся провести за решёткой. Но можно иначе. – Выжидающий взгляд исподлобья. – Я тебя просто отпущу, если скажешь, кто заказал.

И я чуть не заскулила от облегчения. Дамочка была права, ему не интересна я – он просто хочет знать кто за этим стоит! И на радостях, хотя и с дрожащими коленками и ледяными от ужаса ладошками, я согласно инструкциям выдала такую порцию дерзостей, что аж самой тошно стало!

– Ффф... – окончательно разъярился мужик, даже верхняя губа задрожала, совсем, как у Гордеева. – Короче, Паш, грузи её и на хату!

Всю дорогу, пока Паша куда-то меня вёз, я тихонечко валялась на заднем сиденье и не рыпалась. Но не потому, что одумалась, а просто верёвка, которой он наспех перехватил мои запястья начала поддаваться, и я старалась лишний раз не привлекать к себе внимания, надеясь успеть освободить руки. И уже почти справилась, как машина вдруг остановилась.

Задняя дверь распахнулась, на меня уставился очередной суровый мужик. И выглядел он гораздо опаснее Паши! Я испуганно сжалась, а мужик бесцеремонно, за шкуру, выволок меня из машины и потащил к дому. Я не сопротивлялась. Верёвка на запястьях растянулась настолько, что приходилось даже слегка придерживать её, чтобы не спалиться.

Вокруг раскинулась окраина какого-то частного сектора. Других построек рядом с той, куда мы приехали не было, но всё равно доносились признаки жизни: тянуло дымком, слышался лай собак, стук топора и обрывки музыки. И это обнадеживало.

Снаружи одноэтажный кирпичный домик выглядел по-дачному непритязательно, но внутри оказался полный фарш – дорогая, современная отделка, новая мебель и даже телевизор в полстены. А вот на окнах решётки. Хреново.

Едва меня впихнули в комнату с большой кроватью и заперли снаружи, как я тут же продолжила освобождаться от верёвки. И к тому моменту, как за стеной послышался ещё один мужской голос, моя правая рука уже выскользнула из петли. Но дверь распахнулась, и на пороге появился мужик, тот, что выволок меня из машины. Поставил в изножье кровати стул, оседлал его, разглядывая меня. Молча. Многозначительно. И охренеть, как страшно, на самом-то деле!

– Ну в общем, такой расклад, девчуль: ты говоришь кто заказчик, и мы тебя отпускаем. Не говоришь – получаешь большую проблему на свою задницу. В прямом смысле.

Я настороженно смотрела на него и не могла понять – блефует или нет? А ещё, через распахнутую дверь спальни я видела другую распахнутую дверь – на улицу. Вот он – шанс!

– Мне в туалет надо.

– Говори на кого работаешь, и иди куда хочешь. Не держу.

– Пфф! Так-то я могу и здесь. Прямо на ваше шёлковое покрывалко.

Он поиграл желваками, скривился:

– Ладно. Первый и последний раз. Потом реально под себя ходить будешь, ясно? И, кстати, кормёжки тоже не жди. Заслужить надо. Но если будешь хорошей девочкой, я тебе шашлычка на прощение сварганю. Пальчики оближешь.

– Прелестно. Только я сейчас обоссусь. И вовсе не от восторга.

Он поднялся.

– Пошли.

Я покорно вышла в смежную комнату типа зала, где, развалившись на диване, смотрел телек ещё один незнакомый мужик. Окинул меня взглядом с похабной кривой усмешечкой, подмигнул. И мои коленки предательски задрожали – по сравнению с этим двумя, милым, приветливым зайкой казался теперь не только Паша, но и его злой хозяин.

– Сюда, – грубо пихнули меня в противоположную от входа сторону.

И я едва не зашипела от досады – туалет оказался в доме! А свобода – вон она, за дверью, в каких-то десяти шагах...

Рванулась, швырнула в ошалевшего на мгновение мужика вазой. Он отбил её налету, угодил в полку с посудой. Зазвенело, загрохотало. Я схватила стул, снова швырнула, одновременно выскакивая в прихожу. Не глядя кинула за спину подвернувшийся под руку табурет. Снова грохот, осколки... И удушающий локтевой под подбородок:

– Ну всё, считай поссала. Дальше будем по-плохому.

Заволокли обратно в спальню, завалили на кровать. Один жёстко уткнул лицом в матрац и навалившись всем весом, удерживал заломленные за спину руки, а второй вязал отчаянно сучащие ноги...

В тот момент я узнала, что такое настоящее бессильное отчаяние. Против двух амбалов я ничто. Они просто порвут меня в приступе злости, отымеют во все щели и скажут, что так и было. И ни хрена я потом никому ничего не докажу. Ни дамочке, которая утверждала, что мне ничего не угрожает, ни, тем более, её муженьку.

Но, как ни странно, всё закончилось лишь связыванием. Причём не верёвкой, а скрученной в жгут простыней, но так плотно, что я теперь не то, что изворачиваться – даже шевельнуться могла с трудом. А ещё кляп в рот – порнушный кожаный шарик на завязочках, от которого у меня тут же защемило в челюстном суставе.

– Доигралась, сука, – прорычал мужик, который смотрел перед этим телек. По лбу его растекалась кровь, а я даже не знала, чем умудрилась так удачно садануть. – Щас ребята подъедут, ганг-бенг тебе на максималках устроим.

– Любишь погорячее? – подсел на кровать тот, который провожал в туалет. – Тогда я первый тебя трахну. Обожаю обламывать дерзких дур. – Повёл рукой по моей ляжке, жёстко потёр средний шов джинсов в промежности. Больно и мерзко. Я в отчаянии замотала головой, замычала. Мужик ухмыльнулся: – Да, ты права, приятно не будет. – Склонился к самому лицу: – Мне нужен заказчик. Не будет его – хана тебе. Подумай об этом.

Потом я долго лежала в комнате одна. Времени подумать действительно было вагон. Первая мысль – а может ну его на хрен и слить дамочку? Тут уж такое дело – каждый за себя... Вот только гарантий, что меня отпустят это уже не давало. Тогда, как быть? Господи, как быть?!

Но чем дольше я лежала, тем отчётливее понимала, что, если бы они имели полномочия на беспредел – уже бы всё сделали. Но меня не то, что до сих пор не изнасиловали, а даже самого безобидного леца ещё ни разу не врезали! А значит что? Дамочка была права, уверяя, что будут запугивать, но не тронут?

Мужики ещё много раз заходили с допросами. За окном уже стемнело, а я теперь знала, что этого, с разбитым лбом зовут Вася, а первого Толя. Что первый курит обычный табак, а второй парит фруктовый вейп. Уже поняла, что кормёжки действительно не будет, как и воды, как и туалета. И перебрала весь свой запас самой отборной ругани и провокаций, говоря с мужиками дерзко, словно была бессмертной, и с каждым разом всё больше убеждаясь – они действительно меня не тронут.

А ночью неожиданно заявился сам хозяин.

Он вошёл в комнату тихо, словно тень. Я даже не услышала как. И лишь почувствовав внезапную тревогу, какая бывает от пристального взгляда спросонья, резко очнулась от мучительного из-за затёкших суставов полудрёма. И испуганно задохнулась – на меня со строгим недовольством взирал Гордеев!

– Ну привет, – ледяным тоном изрёк он. – Соскучилась?

В одно мгновение – тысячи мыслей-ощущений. И злость, и вина, и радость, и обида... И финальным аккордом жестокое разочарование – нет, это не он! И по большому счёту, даже не очень-то и похож. Но это не отменяло той фигни, что меня по какой-то странной причине опять на нём загнуло! Наверное аура. Такая же упёртая и властная.

Взгляд хозяина бесцеремонно блуждал по мне и был тяжёл, словно чугунное ядро, но при этом слеп. Словно мыслями он находился где-то далеко, в персональном Аду, где его вот уже целую вечность как истязают куда более глобальными нежели покоцанная тачка за двадцать лямов проблемами. А я просто попала под руку. И если предположить, что источником его тяжких дум является жена, то я попала вдвойне: её-то он может и не тронет, милые бранятся – только тешатся, а вот я... Стать «козой отпущения» для богатенького самодура – хуже не придумаешь. Поэтому лучше мне помалкивать и придерживаться прежней тактики.

Попыталась скорчить максимально презрительную рожу, что довольно-таки сложно с порнушным шариком во рту, но ничего не произошло. Мужик продолжал уничтожать меня тяжёлым невидящим взглядом и молчал. А я из последних сил держала свою дерзкую марку и почему-то снова проваливалась в ощущение Гордеева.

А что, вполне в его крокодилем духе – таинственно заткнуться и терпеливо ждать пока жертва сама сдохнет от невнятного чувства вины и... передоза мурашек в организме. Нет, это какая-то Гордеево-мания, честное слово! Мне даже захотелось мотнуть головой и проморгать, чтобы скинуть наваждение.

Скрипнула дверь, и у стены встал Толик с широким армейским ремнём в руке. Я поёжилась. Пороть что ли будут? Это была бы эпичная кара, чего уж там. Даже Гордеев бы одобрил.

– Щипцы есть? – скептически глянув на ремень, спросил хозяин.

Хорошо, что у меня шарик во рту – не так заметно, как перекосило лицо...

– Пассатижи, – кивнул тот.

– Отлично. Если к обеду не одумается, начинайте с ногтей. На ногах. Руки я тогда сам, ближе к вечеру. Если не заговорит, конечно.

– Заговорит. У меня ещё ни один клиент больше трёх ногтей не выдерживал. Про зубы вообще молчу.

– Ну и хорошо, – безучастно согласился хозяин и, поднявшись со стула, шагнул ко мне.

Я невольно дёрнулась, пытаюсь отползти, но получилась просто конвульсия. Хозяин с ледяной усмешкой потрепал меня по щеке.

– Ну давай, не скучай тут... дерзкая. А если что – зови этого дяденьку, он развлечёт.

В голову ударила, но тут же утонула в дикой злости паника. Да как они смеют, вообще?!

– Я девочка Гордеева! – закричала я. – Он за меня урод! Из-под земли тебя достанет, гад! Но получилось лишь яростное «Ммм-мм-м-м!» и вспыхнувшее от натужного бессилия лицо...

Через пару часов Толик снова зашёл, но вместо обещанных пассатижей, как ни странно, принёс стакан воды. Мои рот и горло давно пересохли, на языке шероховато солонел вкус проклятого порношарика. Пить хотелось почти как жить, но я отказалась – мало ли чего он туда подсыпал! – и тюремщику пришлось больно сжать мои щёки, насильно разжимая челюсть. А вот воду заливал аккуратно, стараясь не расплескать и приговаривая почти ласково:

– Пей, дура, не бойся. Родниковая!

Напоив, сурово нахмурился:

– Ну? Говорить будем?

«Ага, – чувствуя, как влага возвращает к жизни, вымученно отметила я про себя, – меняет тактику. Кнутом не вышло, пробует пряником. Ну и отлично. Значит, и у меня всё по плану» Вяло огрызнулась:

– Прощайся с жизнью, гандон.

– Кто?! – резко схватил он меня за химо. Дёрнул, приподнимая над кроватью. – Кто заказчик?! Говори, сука!

Замахнулся, я инстинктивно зажмурилась, дёрнула головой, уклоняясь... Но удара так и не последовало. Его ладонь, дрожа от напряжения, замерла в миллиметре от моей щеки. К лицу приблизилась перекошенная бессильной злостью морда:

– Говори, сука, кто заказчик, или я тебя на бутылку посажу. Клянусь!

– Валяй, – выдохнула я ему в лицо. – Но потом посадят тебя. Жопой на кол. Это прям точно.

Он отшвырнул меня на постель.

– Всё. Это было последнее предупреждение. Следующего не будет!

А когда небо уже полностью просветлело, и в оконце моей тюрьмы заглянул розовый рассвет, он вернулся с Васей. Красиво разложили на прикроватной тумбе щипцы-ножницы-напильники, верёвки, паяльник и даже кусок провода со штепселем на одном конце и оголёнными проводами на другом. Я сначала подумала – опять пугают, но, когда меня, освободив от верёвки-простыни и порношарика, загнули в жуткую позу и взялись пассатижами за ноготь на мизинце, запаниковала.

«Да катись оно всё! – пулей промелькнуло в голове. – Признаться, и пусть сдают ментам! Если Гордеев меня ищет, то к нему я в конечном итоге и попаду, только и всего. А если нет...»

Тоскливо кольнуло в самое сердце. Так внезапно и больно, что глаза защипало от слёзной дымки. Потому что поняла вдруг простую истину – если уж даже он не ищет, то похрен тогда вообще на всё!

– Последний раз спрашиваю, кто заказчик? – плотнее зажимая пассатижи, прорычал Вася. – Раз, два...

– Х*й в пальто, – шмыгнула я носом. По щеке скользнула слеза, хотя больно пока не было. Во всяком случае телу.

– Твою мать! – сгрёб меня за шкирку Толя. – Зае*ала, сука!

И поволок куда-то, сшибая мною углы и мебель. Я обречённо зажмурилась и уже открыла было рот, чтобы сдать с потрохами изобретательную дамочку... Как Толик вдруг грубо пихнул меня за порог дома – с крылечка и прямо на мягкую росную травку.

– Вали отсюда, дура! Ещё раз увижу... – доходчиво качнул кулаком и захлопнул дверь изнутри.

Глава 6

«Да ну их на хрен! – улепётывая подальше от проклятого места, думала я. – И бабу эту, с её деньгами, и сам этот чёртов город!»

Но пока добралась до укромного местечка, в котором запрятала накануне сумку со своим нехитрым скарбом, а потом с жадностью «доедала» оставшиеся от вчерашней тысячи деньги и подсчитывала грустно звякающие в кармане последние монетки, над паникой возобладал холодный расчёт. И злость.

Работу я выполнила, так? Страстей натерпелась? Значит, имею право получить свой бакшиш! И пусть эта дамочка только попробует слиться! Продам информацию прямиком её муженьку!

Объятая справедливым гневом, я даже свой старенький мобильник включила практически не задумываясь. Впервые с момента бегства из Клондайка. К счастью, батарея оказалась не на нуле, а на симке, точно знаю, оставались деньги. Но вот номер дамочки...

Обдало отчаянием – я не помнила последние цифры! Вот просто пустота, даже вариантов нет! Сидела и тупо пялилась на экран, когда дамочка написала вдруг сама:

«Как только сможешь, сразу выходи на связь»

Договорились на шесть вечера, там же, где встретились впервые. Можно было бы и поближе, дамочка вообще предлагала в кафе, и звучало это весьма соблазнительно, но у меня был свой умысел – поскорее покинуть город и, получив наконец деньги, продолжить двигаться дальше в неизвестном направлении.

Однако заказчицы в нужный час на заправке не оказалось.

«Я на месте» – кинула я СМС.

Ответа – ноль. Подождала минут пятнадцать, ошиваясь чуть поодаль, чтобы случайно не нарваться на мужика, который заловил меня в прошлый раз. В голову лезли разные мысли, вроде того, что мы с мамамой не поняли друг друга, и, может, она всё-таки ждёт меня где-нибудь в кафе. Снова набрала:

«Напомните, мы договаривались на старом месте, так ведь?»

Тишина. В груди противно заворчалось подозрение.

«Почему вы не отвечаете? Я жду на старом месте»

Ещё тяготных минут десять, и подозрение в том, что меня всё-таки кинули стремительно переросло в уверенность, а из неё – в злость.

«Аллё, что за прикол? Где мои деньги? Если это кидалово, то ты ещё пожалеешь, что вообще связалась со мной!»

Сидела потом на обочине, угрюмо игнорируя сигналивших мне дальнобоев и думала – Ну и что дальше? А дальше виделся только полный мандец. Хотя, если так разобраться-то, что мне мешает «выйти из сумрака»? Просто вернуться в город или в любой ближайший населённый пункт и, достав из широких штанин свой настоящий паспорт, просто начать жить *свою* жизнь?

Телефон вдруг ожил:

«Никогда не дерзи раньше времени, нарвёшься на ответную грубость. Скоро буду. Жди»

Ух, как меня подорвало! Только что вприпрыжку не заскакала!

«Извините, бомбануло. – Честно призналась я дамочке. И совсем уж пьянея от шальной радости, дерзко добавила: – Но тогда с вас ещё и кофе за ожидание!»

Она подъехала минут через тридцать, а меня всё ещё не отпустило. Я несла какую-то бодрую чушь, независимо рисуясь перед богачкой, которая, мало того, что приехала на встречу в эротичном пеньюарчике и халатике, словно только что выпрыгнула из койки любовника, так ещё и на мою шутку о зачётном прикиде, неуместно блеснула моралью:

– Пока ты ставишь себя на одну доску со шмотками, какими бы дорогими они ни были, ты так и будешь чувствовать себя дешёвой. Завязывай с этим. Бедность не в кошельке, а, в первую очередь, в голове...

Ну да, ну да. Хорошо рассуждать так, когда можешь позволить себя тачку за двадцать лямов и полтинник налом за то, чтобы нацарапать на ней ёмкое и вечное. А вот меня и эта плотная банковская пачка пятисоточек буквально вернула к жизни! Теперь можно забуриться в какой-нибудь пригородный посёлок, снять по дешёвке комнату и, устроившись по настоящему паспорту дворником или уборщицей, довольно сносно перезимовать!

– Как случилось, что тебя поймали? – задумчиво наблюдала за моим лихорадочным возбуждением дамочка. А мне подумалось, вдруг, что у них с мужем одни тараканы на двоих – смотреть на собеседника невидящим взглядом и грузиться своими неведомыми печальями. – Я вроде бы всё предусмотрела.

– Да мужик какой-то из соседней тачки выскочил, большая такая, чёрная. А видели бы вы его рожу! Он, кажется, больше меня испугался! Паша зовут.

– Ах, Паша! Ну понятно, – заторможенно кивнула дамочка. – Ну а в целом как, нормально?

– А то! Ваш муж такой душка! Особенно когда злится. Я вообще люблю злых мужиков, они такие – у-у-ух!

На этот раз дамочка окинула меня внимательным, даже изучающим взглядом. Но мыслями всё равно была далеко.

– Они меня просто поугадили и отпустили, – не замолкала я. – Всё как вы и говорили! Даже жаль, если честно. Я-то хотя бы на пару синячков рассчитывала, чтобы за моральный ущерб с вас надбавочку получить!

Внутренний голос орал: «Тормози, Славка! Ты уже становишься похожа на пьяную дуру!» Даже дамочка, устав от моего бреда, закрыла глаза и откинула голову на подголовник. Но тут же словно очнулась:

– А хочешь ещё заработать?

В груди, заглушая остатки здравого смысла, радостно квакнула жаба. Если мадам даст ещё хотя бы десятку, то...

– Только я даже не знаю сколько тебе предложить, – с каким-то обречённым видом вздохнула она. – Сто? Сто пятьдесят?

С трудом подобрав челюсть, я как можно небрежнее пожала плечами:

– Ну... Вообще смотря что надо будет делать.

– Ничего особенного. Просто совратить моего мужа.

Я оторопела. Вот ненормальная семейка-то. Капец просто!

– Эмм... – жаба в груди зарыдала и умоляюще схватила меня за ноги, но я ещё не сошла с ума. И, кстати, не лишилась последней гордости. – Нет, извините, я не могу. Но спасибо за предложение. – Сунула честно отработанный полтинник в сумку. – Я пойду, ладно?

– Но почему? – схватила она меня за локоть, и я почувствовала, что её пальцы дрожат. – Ты же говоришь, он тебе понравился?

– Ну как бы... Ну... – замаялась я. Если для неё это изначально нормально, то блин, как я могу объяснить, что это вообще-то НЕ нормально? – Просто не могу. Я вообще-то ещё девственница!

Она хохотнула. Но как-то странно, как будто всхлипнула.

– Тоже мне, проблема! Да он этого даже не заметит, уж поверь... Пятьсот! Пятьсот тысяч. Наличкой, сразу по выполнению. И задаток!

Схватила с заднего сиденья сумочку, ту самую, которую я однажды чуть не спёрла от безысходности. Суетливо откопала в её недрах кошелек.

– Вот, – выгребала наличку, складывала поверх стоящей у меня на коленях спортивной сумки. – Твою мать... – ругательство сорвалось с губ горьким отчаянием, и я окончательно утвердилась в мысли, что мадам явно не в себе. Может, даже, под кайфом? А что, у богатеньких это запросто. – У меня с собой всего семьдесят три... Но мы можем доехать до банкомата! Сколько? Двести пятьдесят хватит в задаток?

– Вам что, совсем заняться больше нечем? Займитесь лучше благотворительностью! На том свете, говорят, зачтётся.

Дамочка рассмеялась и, закрыв лицо ладонями, уронила голову на руль. Мне показалось, сейчас разрыдается, но она лишь посидела так пару минут и наконец выпрямилась. Спокойная, как бетон. Неадекватка сотого уровня, блин.

– Если ты не согласишься, я просто найду кого-нибудь ещё. Так что считай, что это и есть благотворительность. Полмиллиона за ночь с классным мужиком – разве плохо для девочки, опустившейся до воровства? К тому же, не факт, что он вообще поведётся. И тогда тебе просто остаётся задаток. Весь.

Я посозерцала кучку купюр. Семьдесят три да пятьдесят – сто двадцать три налом, прямо сейчас. И реальная возможность получить ещё четыреста с лишним. Итого пол ляма пятьдесят тысяч за то, с чем обычно расстаются бесплатно и даже не всегда по любви. Ну а в том, что этот мужик поведётся сомнений почти не было. Спасибо одному большому и бритому гаду – научил правильно крутить жопой.

В груди громыхала битва жабы с гордостью. Медленно, но верно побеждала зелёная. Впрочем, сейчас я бы уже скорее назвала её здравым смыслом. Подумаешь, позолоченная целочка! Всё равно однажды будет кто-то первый. И может, даже и лучше, что им станет именно этот...

По загревку хлынули мурашки. Я поёжилась, потёрла вставшие дыбом волоски на руках. Бывает безалкогольное пиво, бывает кофе без кофеина и курево без никотина. А у меня будет первый раз с Гордеевым без Гордеева. Сбудется наконец мечта идиотки, и гештальт закроется. Наверное.

Обречённо выдохнув, принялась разравнивать деньги в аккуратную стопочку.

– А не боитесь, что я просто сбегу? Получу бабки и фьють, в неизвестном направлении?

– Случайности не случайны, – пожала плечами дамочка. – Когда-нибудь ты тоже это поймёшь.

Я выждала немного, надеясь на пояснительную бригаду, но, так и не дождавшись, попыталась хоть как-то приглушить стоны собственной совести:

– Ладно, не бойтесь, не сбегу. И даже к банкомату не надо, потом всё сразу отдадите.

Глава 7

В теремок на краю посёлка я нагрязнула уже совсем поздно. Было опасение, что никого не застану, но «повезло», и дверь открыл Толик собственной персоной.

– И снова здрасти, – польщённая его охреневшей рожей, ехидно присела я в реверансе. – Вызывай хозяина, разговор есть.

Вообще у меня было два варианта: дождаться утра, посетить салон красоты, сделать маникюр-педикюр-причёску, прикупить какую-нибудь соблазнительную шмотку и заявиться пред очи их сиятельства при всём параде. Ну, как бы, сыграть на контрасте. Чтобы вот прям совсем бах-бах – и в дамки! Но интуиция подсказала, что лучше продолжить начатую игру в дерзкую оторву.

– Чего? – с трудом проглотив недожёванный кусок, отмер Толя.

– Что слышал! Звони хозяину, пока я не передумала.

Он хмыкнул... и захлопнул дверь перед моим носом! Я оторопело потопталась на месте, гадая – стучать ещё или просто подождать? Ну мало ли там, созвониться с боссом надо и всё такое... Но прошла минута, другая, а ничего не происходило. Я всё-таки постучала снова, но Толик больше даже не открыл.

По чёрной ночной травке уютно мельтешили сполохи работающего телевизора. Я забралась на завалинку, заглянула в окно: Толик жрал бутерброды и смотрел Индиану Джонса. И плевать он на меня хотел с такой же интенсивностью, как его хозяин на поцарапанную тачку за двадцать лямов – подумаешь, пустяки. Дело житейское!

Замолотила в стекло:

– Эй, ты не понял? Я готова рассказать, кто меня нанял! Звони хозяину!

Толик подошёл к окну... и широким движением задёрнул шторку. Я аж с завалинки свалилась от такой наглости. Вот сука!

Села на ступенечки крыльца – те самые, с которых так эффектно слетела минувшим утром, уронила голову на колени. И что теперь? И словно почуввав удачный момент, в голову опять полезли рефлексия и совесть.

«А может, всё к лучшему? – нашептывали они. – Может, сама судьба даёт шанс избежать глупостей?» «Хмм... – скептически скривилась в ответ жаба. – Тогда я бы предпочла, чтобы она дала пол ляма просто так, нахаляву, а не этот ваш шанс, за который потом с голодухи локти грызть придётся. Да и что такое глупости? Прощание с невинностью? Пфф... Одной проблемой меньше, только и всего! И между прочим...»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.